Анастасия Сычёва
Корделия
Доказательства вины
ИДДК

Анастасия Викторовна Сычёва

Доказательства вины

Серия «Корделия», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23136412

Аннотация

Казалось бы, все трудности позади: Арлион Этари лишился магических сил, Корделия вышла замуж за любимого, месть настигла предавших ее родственников… Но история еще не окончена, ведь у нее остался могущественный враг, который пойдет на все, чтобы уничтожить новоиспеченную королеву Вереантера. Он не учел только, что Корделия не станет безропотно ждать своей участи, а будет бороться за свое счастье, свою любовь и свободу. К тому же теперь у нее появился таинственный союзник…

Содержание

Пролог 5
Часть первая. Удар в спину 10
Глава 1 10
Глава 2 27
Глава 3 44
Глава 4 57
Глава 5 71
Глава 6 86
Глава 7 100
Глава 8 117
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Анастасия Сычёва
Доказательства вины

Цикл "Корделия":

Книга 1. Час перед рассветом
Книга 2. Проклятие Этари
Книга 3. Под угрозой уничтожения мира
Книга 4. Доказательства вины

© Сычёва Анастасия
© ИДДК

Пролог

– Я так понимаю, отказаться мы не можем? – недовольно осведомился маг в фиолетовом балахоне.

Вортон, декан боевого факультета Адэрской академии магов, откинулся на спинку стула и, вздернув иронично бровь, посмотрел на своего заместителя.

– Раз ты такой смелый, откажись сам, – предложил он. Недовольство Лэшела было ему прекрасно понятно, но Кириан уже принял решение, так что спор не имел никакого смысла. – И потом, как ученица она была не так плоха. Я бы даже сказал, что из всех своих однокурсников она одна из самых одаренных.

– Она Этари, Вортон! Да к тому же трейхе!

– А еще она королева, – раздраженно отозвался декан, которому начал надоедать этот разговор. – Мы не можем исключить ее, когда за ней стоит весь Вереантер! У нас нет на то никаких формальных причин, поэтому разговор окончен. Если тебя это слегка утешит, никто из преподавательского состава не в восторге. Да и приедет она только через пару недель.

– Но мы же в Аркадии, а не в Вереантере! И вообще, с каких пор Кириан идет на поводу у архивампира?!

– В конце концов, им удалось остановить Арлиона Этари, – напомнил Вортон. – Кириан посчитал, что после тако-

го мы не вправе отказать Корделии Вереантерской и дальше учиться в нашей академии.

Лэшел шумно выдохнул, но аргументов у него больше не было, и он в раздражении отвернулся к окну. Глядя на своего заместителя, которому на вид было невозможно дать больше двадцати пяти лет, и который в этот момент больше всего походил на сердитого мальчишку, а не на магистра боевой магии, Вортон только вздохнул. Он сам был очень удивлен, когда пару дней назад архимаг Кириан сообщил ему, что новая вереантерская королева изъявила желание продолжать обучение в академии – можно подумать, на троне ей больше заняться нечем! – и что он, ректор, согласился. Еще больший шок он испытал, когда узнал, что студентка его факультета, регулярно находившая неприятности на свою голову, оказалась внучкой столь печально известного архимага Арлиона Этари. Впрочем, новость о том, что студентка Батори – на самом деле трейхе Этари, всколыхнула только преподавателей-мужчин. Вся женская половина магистров последний месяц была занята обсуждением, как какая-то девица без роду и племени (и наплевать, что она бывшая принцесса! Все равно же незаконнорожденная!) смогла охмурить короля и женить его на себе, и какие еще неженатые особы королевской крови остались в соседних странах. На то, что король – это расчетливый архивампир, от которого все трезвомыслящие люди с нормальным инстинктом самосохранения должны бежать без оглядки, всем этим преподавательницам

было совершенно наплевать. И кто этих женщин только поймет?..

Лэшел продолжал созерцать что-то за окном, и Вортон, заинтересовавшись, что его там так увлекло, сам поднялся из-за письменного стола в своем кабинете и тоже подошел к окну. Стояли последние летние дни, и двор академии снова наполнился возвращающимися с каникул студентами. Ему уже сообщили о паре дуэлей и одной драке без применения магии между темными и светлыми магами с разных факультетов, но сейчас после долгого затишья эти привычные стычки не вызывали обычного раздражения.

– А что у нас с факультетом некромантии? – вдруг спросил Лэшел, найдя в себе силы переключиться на другую тему. – Кто теперь будет деканом?

Вортон поморщился, как будто у него вдруг заболели зубы. Сложность заключалась в том, что ныне покойный Танатос был единственным сильным и одаренным некромантом на факультете, и найти ему замену оказалось неожиданно трудно. Те некроманты, которые преподавали в академии, по части способностей были так себе, серединка на половинку, и никто из них не подходил для такой должности. Ректор Кириан это прекрасно понимал и потому обратился к своему заместителю с просьбой связаться с темным Советом магов и порекомендовать кого-нибудь оттуда. Конечно, Совет с готовностью откликнулся – ему всегда было приятно, когда независимые академии и школы магии обращались к ним за

помощью – но вот предложенный ими кандидат… внушал определенные опасения.

– Совет пообещал прислать магистра Леннокса, – наконец нехотя сообщил Вортон.

Заместитель наконец-то оторвался от окна и изумленно уставился на него, с такой скоростью мотнув головой, что закачался коготь мантара в длинной серьге.

– Леннокса?! Они что, издеваются?

Вортон неопределенно пожал широкими плечами, а Лэшел, поглядев в течение нескольких секунд на начальника, убедился, что тот не шутит. Ну что за день такой! Мало того, что у них в академии будет учиться Этари, так еще и это!

– Он же сумасшедший! И последние лет девяносто прожил отшельником! Как его можно поставить на пост декана факультета?!

– Зато он великолепно разбирается в боевой некромантии и не стал архимагом только потому, что сам не захотел. К тому же, по словам Совета, у них сейчас нет других некромантов, которым хотелось бы отправиться в Адэр, вот и пришлось взять того, кто согласился. Хотя я не исключаю, что темные маги сделали это только для того, чтобы позлить Кириана.

Вортон замолк, но Лэшел без слов понял, как должно было закончиться высказывание магистра – «но это уже проблемы самого Кириана». Мысленно усмехнувшись, молодой магистр мимоходом заметил:

– Веселый нам предстоит в академии год…

Часть первая. Удар в спину

Глава 1

Взмах, выпад. Металлический звон от столкновения клинков друг о друга. Мастерски поставленный противником блок оказался настолько жестким, что у меня загудела рука, и пришлось срочно уходить в защиту, чтобы не сдать позиций. Мой противник тем временем попытался развить преимущество и начал теснить меня назад, но хитрым обманным ударом, которому меня обучил Грейсон, я вынудила своего оппонента на полсекунды отвлечься и попыталась его обезоружить, но он быстро сконцентрировался и отбил мою атаку. Все эти выпады были настолько быстрыми, что неподготовленный наблюдатель мог видеть только вспышки света на клинках. И – за все это время не прошло и десяти секунд – вот мы снова кружим друг напротив друга, выискивая брешь в обороне противника. Весь окружающий мир сузился до небольшой площадки, на которой проходил поединок, и я не видела ничего, кроме двух длинных тонких клинков напротив себя, на блестящих лезвиях которых бликовал солнечный свет.

– Ваше величество! – посторонний голос ворвался в мое сознание так внезапно, что я, растерявшись, вздрогнула и

моргнула. Этим не преминул воспользоваться высший вампир и одним плавным, текучим движением метнулся в мою сторону, одновременно нанося удар. Сард вылетел из моей правой руки и приземлился у кустов, отделявших покрытую гравием площадку от газона, а мой противник завершил поединок, поставив мне простейшую подножку, так что я самым позорным образом упала на землю. Невысокая вампирша, появившаяся в поле зрения только что, и из-за которой я и проиграла схватку, ойкнула и прижала ладонь ко рту, придя в ужас от такого обращения с королевской особой, а затем неодобрительно посмотрела на Люция Эртано, а он, нисколько не смутившись, опустил оружие.

– На посторонних во время схватки… – наставительным тоном начал он, не обращая никакого внимания на вампиршу, которая все никак не могла определиться, что ей делать – помочь подняться мне или дать резкую отповедь Люцию, который поднял оружие на королеву, как только она отвернулась.

– …Отвлекаться нельзя, – со вздохом закончила я за него предложение и без посторонней помощи поднялась на ноги. – В чем дело, леди Амелл?

Гофмейстерина, к которой я обратилась, отвлеклась от Люция и присела в низком реверансе, так что подол лилового платья лег на землю.

– Прошу прощения, ваше величество, но совещание закончилось, и через сорок пять минут подадут обед. Распоря-

диться перенести его еще на пятнадцать минут?

– Нет необходимости, – торопливо сказала я, прикинув в уме, сколько времени у меня уйдет, чтобы вымыться, переодеться и причесаться. Если очень постараться, за сорок пять минут вполне можно успеть. – Люций, тогда на сегодня все, поскольку сейчас мне предстоит обед с шартарской делегацией. Леди Амелл, вы не знаете, Адриан уже вернулся?

– Нет, его величества до сих пор нет. Мадам, вы уверены, что успеете?.. – Вампирша окинула мою запыленную одежду сомневающимся взглядом и вздохнула, когда я у нее на глазах совсем некоролевским жестом отерла пот со лба.

– А если не успеет, гости подождут, – иронично добавил Люций, убирая свои сарды в ножны и протягивая мой, выбитый у меня из рук минутой ранее. – Хоть и говорят, что точность – вежливость королей.

Я бегло улыбнулась и, подхватив перевязь с оружием, быстрым шагом направилась к дворцу. Гофмейстерина, подобрав пышные юбки, бросила на Люция последний настороженный взгляд и поспешила следом за мной.

Лето закончилось всего несколько дней назад, но теплая пора еще не уступила место осенним холодам и дождям, хотя жара уже спала. В дворцовом парке сейчас было особенно хорошо: над головой синело небо, солнечный свет лился на темные хвойные деревья, траву и клумбы с поздними цветами, вода в фонтанах блестела и журчала по-летнему бодро, а воздух был прохладен и свеж. День выдался настолько удач-

ный, что мы с Люцием решили провести тренировку не в зале для поединков во дворце, а вышли на улицу и углубились в парк, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, которое во дворце было неизбежным. Легкость, с которой гофмейстерина нас нашла, и отсутствие какого-либо удивления с ее стороны подтверждали, что наши тренировочные бои ни для кого не остались тайной.

Пожалуй, эти тренировки и предшествующий им приезд Люция были самыми лучшими событиями за те две недели, которые прошли после нашего возвращения из Валенсии. Судя по тому, что мой учитель появился во дворце в Бэллиморе буквально неделю спустя после того, как Адриан предложил ему должность моего телохранителя, раздумывал он недолго. Сразу после его прибытия моя вооруженная охрана испарилась, как по мановению волшебной палочки, а Люций стал моей постоянной компанией, и его присутствие было мне намного приятнее, чем отряд маячивших перед глазами охранников. Возобновились и наши ежедневные тренировки, которые очень радовали меня. Адриан не возражал против моих занятий, но они приводили в замешательство весь двор. Мало того, что государственный преступник, о котором несколько десятков лет никто ничего не слышал, неожиданно был помилован, так еще его приставили к королеве, и он очутился в непосредственной близости от короля, которого когда-то пытался убить… Откуда такое доверие?

Впрочем, сам Люций оставался совершенно равнодушен

к шепоткам за спиной, он и в Дионе всегда оставался белой вороной, и возвращение на родину вряд ли его изменило. Но мне казалось, что здесь, в Вереантере, ему было приятнее находиться, чем среди людей в Валенсии, а мой собственный опыт показывал, что должно пройти какое-то время, чтобы окружающие к тебе привыкли и перестали воспринимать в штыки. Сам Люций продолжал видеть себя не только в роли моего охранника, но, главное – моего учителя, и в первое же утро после своего возвращения поймал меня, когда я утром шла из спальни в столовую, и строго осведомился, почему я забросила тренировки, а потом утащил в зал для поединков. Прислуге пришлось объявить, что с этого дня я завтракаю на полтора часа позже, Адриан посочувствовал, когда я ему вечером пожаловалась на гудящие и ноющие мышцы, а потом непринужденно заметил, что Люций все сделал правильно. Первые несколько дней превратились в пытку – за прошедшие три месяца я отвыкла от регулярных тренировок, которые к тому же стали намного жестче по сравнению с нашими поединками в академии с Кейном, – но со временем стало уже полегче. Кстати, сегодняшнюю тренировку пришлось перенести на середину дня из-за утренней встречи делегации из Шартара, и весь день был расписан по минутам.

Мы с леди Амелл свернули с боковой дорожки на центральную аллею и зашагали к дворцу, причем я шла быстро, и невысокой вампирше приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отставать. Двое стражников у дверей склонили голо-

вы при моем появлении, и мы стремительно пролетели мимо них в холл.

– Ваше величество, завтра собирается благотворительный комитет герцогини Шеффер, где будут обсуждать, какие заведения в этом году нуждаются в пожертвованиях в первую очередь. Стоит ли предупредить герцогиню о вашем присутствии?

– Я не поеду, леди Амелл, – рассеянно отозвалась я, не считая нужным останавливаться и объяснять свое решение. О встрече благотворительного комитета, куда входили все самые знатные дамы Бэллимора, и считавшийся своеобразным женским клубом, невероятно престижным, в который невозможно было попасть, не обладая громким титулом и солидным богатством, гофмейстерина заговаривала не в первый раз. Мне же было прекрасно известно, что «заседания» подобных комитетов длятся по нескольку часов, и из них самое большее – полчаса уходит на решение финансовых вопросов, а остальное время аристократки обсуждают последние новости из жизни знати. Поэтому я воспользовалась разрешением Адриана не заниматься тем, что мне не нравится, и сразу заявила леди Амелл: «Дамы прекрасно проведут встречу и без меня». Но гофмейстерина не теряла надежды все же привлечь меня к придворной жизни и продолжала поднимать эту тему в разговоре.

– Но все вереантерские королевы всегда занималась благотворительностью и входили во многие комитеты…

Высокий узел на голове вампирши, в который были собраны светло-рыжие волосы, укоризненно качнулся.

– Прямо все? – Против воли мне стало любопытно. – И Исабела тоже?

У меня почему-то сложилось впечатление, что мать Адриана не любила подобные мероприятия, да и праздная жизнь придворных ее никогда не привлекала. Или я ошибалась?..

Леди Амелл несколько секунд молчала и с неохотой признала:

– Ее величество формально входила в благотворительный комитет, но никогда не присутствовала на его собраниях.

– Вот и отлично, – удовлетворенно улыбнулась я. – В таком случае герцогиня Шеффер может после своего заседания сообщить мне, на что они решили жертвовать деньги, и, если меня это устроит, я распоряжусь, чтобы казначей выдал комитету нужную сумму.

Сбоку послышался явственный тяжелый вздох, а потом леди Амелл вынужденно кивнула.

– Как вашему величеству будет угодно.

За это время мы дошли до королевского крыла, и там я отпустила гофмейстерину. Вампирша, тихо шелестя юбками, направилась к лестнице, а я, взглянув на ее удаляющуюся спину, в который раз удивилась, как мало эта дама была похожа на гофмейстерину. В моем представлении о старшей по званию даме двора, следившей за порядком и соблюдением правил, навсегда закрепился образ высокой костлявой

женщины средних лет, искренне ненавидящей любые проявления живых чувств и малейшие отступления от протокола. Невысокая пухлая леди Амелл отличалась нетипичной для вампиров внешностью, противоречащей занимаемой ей должности. Впрочем, как это часто бывает, внешность оказалась обманчивой, и двором эта миловидная вампирша заправляла вполне уверенно. Сейчас она очень активно пыталась втянуть в эту жизнь и меня, действуя убеждением и уговорами, но я держалась и уступать позиций не собиралась. Да и недолго осталось терпеть: буквально через неделю я должна была вернуться в академию, и потому дворцовая жизнь беспокоила меня мало.

Как выяснилось, в том, что я всячески избегала придворных, была и оборотная сторона: с самого нашего возвращения из Валенсии у меня появилась масса свободного времени, и я никак не могла придумать, чем мне его занять. Когда Арлион лишился своих сил, наша самая главная проблема пропала, и мы смогли немного расслабиться. Все мероприятия, связанные с моим замужеством, на ближайшее время были завершены: балы с представлением состоялись, свадьба прошла, а коронацию решили провести через несколько месяцев. Адриан днем всегда был занят, Оттилия и Кейн наслаждались обществом друг друга, остальные мои друзья вернулись в Госфорд, и я почти все время проводила одна. Оценив свое нынешнее положение и обдумав его со всех сторон, я отправилась к Адриану с просьбой отпустить ме-

ня учиться дальше в академию. В конце концов, Арлион больше не являлся угрозой, и можно было не опасаться, что кто-то из преподавателей захочет принести меня в жертву. Почему-то мужа совсем не удивили мои слова, и он, хотя и неохотно, но поговорил с ректором Кирианом. Архимага удивило неожиданное стремление королевы к знаниям, но видимых причин для отказа не было, ведь я по-прежнему официально считалась студенткой академии. Однако он честно предупредил, что преподавателям уже известно, что я Этари, и потому могут возникнуть осложнения. Еще пару дней мы с Адрианом спорили – он отговаривал, я стояла на своем, – но в итоге он согласился отпустить меня, однако только в компании Люция, который должен будет сопровождать меня в роли телохранителя. Этот вариант устроил всех, в том числе и Кириана. Так что, пусть и с небольшим опозданием, мое обучение на боевом факультете должно было продолжиться.

Отмокнув в течение пятнадцати минут в ванной, я магией высушила волосы, а затем Сюзанна с совершенно нечеловеческой скоростью помогла мне одеться в пышное платье со шнуровкой – хорошо хоть без шлейфа! – и занялась моими волосами. Наблюдая в зеркале за тем, как у меня на глазах спутанная копна кудрявых волос превращается в прическу, я только уважительно покачала головой. И кто только догадался, что мне нужна именно такая камеристка, способная привести меня в приличный вид менее чем за полчаса?

Последним штрихом к моему наряду стала жемчужная парюра, включавшая в себя ожерелье, браслет, кольцо и заколки. Помолвочное кольцо с изумрудом пришлось оставить, поскольку оно выбивалось из общей картины.

Едва я покинула королевское крыло, как ко мне сзади пристроился Люций, успевший за это время привести себя в порядок, а на первом этаже к нам снова присоединилась леди Амелл. В тот момент я впервые оценила мастерство и такт гофмейстерины – хоть я и продолжала идти впереди, каким-то образом она умудрялась корректировать наш маршрут, так что наша группа неожиданно вышла к одной из многочисленных столовых, которую я своими силами ни за что бы не нашла. Она примыкала к гостиной, из которой доносились мужские голоса, неторопливо что-то обсуждавшие. Едва мы вошли, как все присутствующие отвлеклись от разговора и поприветствовали меня вежливыми поклонами.

– Добрый день, господа, – я улыбнулась и кивнула гному в дорогом камзоле, в котором распознала главу шартарской делегации, которую встречала утром. Ростом гномы были мне по грудь, так что мне все время приходилось нагибать голову, чтобы видеть лица гостей. – Благодарю вас всех за терпение. Теперь, надеюсь, вы согласитесь сделать перерыв в переговорах и пообедать? Я бы не отказалась послушать о том, что сейчас происходит в Гранахе!

– Почтем за честь рассказать вам, ваше величество, – склонив голову, заверил меня гном, а материализовавшийся

сбоку от меня словно ниоткуда Александр фон Некер учтивым жестом предложил мне руку, чтобы проводить в столовую. За моей спиной кто-то так же предложил руку гофмейстерине, и вся процессия, состоявшая из пяти гномов, а также вереантерских министров промышленности, экономики и иностранных дел последовала за нами в соседнюю комнату.

– Ну как? – тихо спросила я Александра, пока нас никто не мог услышать.

– Никак, – так же тихо ответил он и на секунду недовольно поморщился. – Уперлись и стоят намертво. Сомневаюсь, что нам удастся что-то изменить.

Гномы являлись одними из покупателей добываемого в Кэллахиле адамантия и с самого начала горных разработок в этой местности вели торговые дела с Валенсией. Переход области от одной страны к другой оказался для всех государств материка совершенно неожиданным, и резонно было предполагать, что центр торговли должен сместиться с привычных позиций. Гномы отреагировали на случившееся быстрее всех и объявили Вереантеру, что желают и дальше покупать адамантий, а по сему случаю готовы обговорить условия. Их посольство прибыло сегодня утром, и мы с Адрианом его встретили, но на переговоры архивампир не остался и на обеде не присутствовал – из гномов в Бэллимор приехали только министр торговли, министр экономики и несколько дипломатов. Ни одного члена гномьей королевской семьи

с ними не было, и вереантерский король с чистой совестью предоставил проводить встречу министрам-вампирам, а меня попросил присутствовать на обеде. На это я согласилась сразу: дипломатические переговоры – это вам не собрание благотворительного комитета с пересудами о том, кто в последнее время выгодно отдал дочь замуж, кого еще из вампирш можно пригласить в комитет, и что за подобную честь можно от нее потребовать.

Сам Адриан отсутствовал на обеде вовсе не из-за королевского снобизма. Сразу после встречи гномов он в компании Дориана и отряда солдат отправился порталом в Фермену – главный город одной из северо-восточных провинций Вереантера, где три недели назад вспыхнул мятеж. Пока мы занимались Арлионом и пытались его остановить, то даже не догадывались о происходящем, поскольку местные власти рассчитывали справиться своими силами. Но дней десять назад там убили градоначальника и всю его семью, и на несколько дней в Фермане воцарилась полная анархия, пока из столицы не был направлен новый наместник. Самое странное заключалось в том, что никто не мог понять причину смуты – никаких массовых шествий не проводилось, требований не выдвигалось, да и анархия не могла возникнуть просто так – должен быть кто-то способный подстрекать местных жителей к беспорядкам. А пару дней назад совершили покушение уже на нового наместника. Через разговорный амулет добиться от растерянного и легко ранено-

го вампира внятного ответа оказалось сложно – из его слов только следовало, что в его квартиру на втором этаже ратуши ворвались неизвестные в масках, назвавшиеся «восстановителями справедливости», без уточнения, какую именно справедливость они собрались восстанавливать, и попытались убить нового представителя власти, но, к счастью, вовремя вмешалась стража, и убийцам оставалось только сбежать с места событий. Выслушав это сообщение, Адриан переглянулся с герцогом фон Некером и Дорианом и объявил, что поедет разбираться сам.

И вот он уехал, а я осталась играть роль хозяйки на обеде.

Отвлекшись на эти мысли, я пропустила момент, когда разговор снова плавно перетек на адамантий – насколько я поняла, суть проблемы заключалась в том, что гномы покупали его у Валенсии по определенной цене, которая за годы менялась не слишком сильно, и металл шел в Шартар давно сложившимся маршрутом через территорию Валенсии. Чтобы поставлять его туда же, но через Вереантер, было необходимо проложить новый маршрут, а это не так-то легко сделать, если вспомнить неудачное расположение Кэллахила – он представлял собой своеобразную чашу, почти целиком окруженную горами. Впрочем, кое-какие идеи у вампиров были, однако путь тогда получился бы сложным и местами опасным. В общем, проблема проста: вампиры настаивали на повышении цены за металл, упирая на возникшие сложности при его транспортировке, гномы же наотрез отказыва-

лись платить больше. За обедом обе стороны продолжали обмениваться вежливыми замечаниями, пытаясь склонить чашу весов в свою пользу, но переговоры уже давно зашли в тупик. Я говорила мало и только с интересом наблюдала за происходящим – мне было хорошо известно, как сложно бывает иметь дело с надменными вампирами, но гномы держались вполне достойно.

– Но подумайте о риске, с которым сопряжена транспортировка! – настаивал министр иностранных дел лорд фон Виттен, который до этого момента негромко общался с Александром, а сейчас, видимо, не выдержал. Этот высший вампир с моноклем в глазу и каким-то рыхлым белым лицом не слишком мне нравился, но, как я слышала, свою должность он занимал благодаря собственным талантам, а не чьей-то протекции. Кстати, именно его помощником был Александр фон Некер. – На пути караванов будет не менее трех опасных участков! Трех! Подумайте, что будет им угрожать – дикие звери, слишком крутые горные дороги, где повозки не проедут! А зимой? Конечно, понадобится проложить новую дорогу!

– Однако раз с этой задачей в свое время справились валенсийцы, значит, справятся и вампиры, – резонно возразил ему один из гномов, министр экономики. В отличие от своих собратьев он единственный из всех был гладко выбрит, в то время как у остальных были шикарные бороды.

– Но дорога на территории Валенсии проходит преимуще-

ственно по равнинной местности, а здесь по горной… – не успокаивался министр иностранных дел, решивший твердо не сдавать позиций.

– Боюсь, милорд, цена, которую требует Вереантер, слишком велика, чтобы Шартар мог на нее согласиться, – невозмутимо откликнулся гном. Его спутники с умным видом покивали.

Я перевела взгляд с невозмутимых гномов на не менее невозмутимых вампиров и, подумав, решила вмешаться.

– Правильно ли я поняла, господа, что самой главной проблемой, с которой мы столкнулись, являются трудности транспортировки? Что через Вереантер нет безопасного пути?

– Верно, ваше величество, – подтвердил Александр, взглянув на меня с проблеском интереса.

– Раз нет безопасного пути через земли вампиров, надо использовать те земли, где он есть, – рассеянно заметила я, отпивая из бокала вино.

Несколько секунд в столовой было тихо, даже приборы перестали стучать о фарфор. За последние два месяца я уже успела заново привыкнуть к множеству взглядов, направленных на меня одновременно, и сейчас продолжала вежливо улыбаться.

– Вы говорите про Валенсию? – наконец спросил вереантерский министр промышленности, чье имя вылетело у меня из головы. Лорд фон Виттен дернул цепочку, и монокль

очутился у него в руках.

– А почему нет? – пожала плечами я. – Наверняка же можно предложить что-то Валенсии, чтобы она согласилась пропускать вереантерские караваны через свою территорию. Насколько я помню, два года назад Валенсия была крайне заинтересована в том, чтобы продавать Шартару цветные металлы, добываемые на востоке страны, но дальше переговоров дело тогда так и не зашло, поскольку стороны не смогли договориться об условиях. Возможно, сейчас Шартар мог бы пойти на некоторые уступки.

Министр экономики, тот самый безбородый гном вперил в меня цепкий, пристальный взгляд.

– Но почему, ваше величество, на уступки должен идти Шартар, если проблемы с транспортировкой возникнут у Вереантера?

Я пожала плечами и невозмутимо сложила руки на коленях.

– Потому что гномы не менее заинтересованы в покупке адамантия, чем вампиры – в его продаже. Вереантеру и так придется потратить определенные усилия, чтобы обеспечить караванам надежную защиту, ведь в Валенсии наверняка найдутся те, кто захочет эти караваны присвоить себе без нашего на то согласия. А так цены на металл останутся прежними, но обе стороны приложат свои силы к тому, чтобы эта торговля осуществлялась.

Гном продолжал внимательно смотреть на меня, обдумы-

вая мои слова, и я замерла на месте, не отводя взгляда, чтобы не сбить его с мысли. Вампиры сидели и напряженно ждали исхода диалога. Гофмейстерина теребила в руках салфетку, Александр по очереди рассматривал лица гномов, фон Виттен застыл на месте, позабыв о монокле, который продолжал держать в руке. Гномы переглянулись, и наконец министр экономики задумчиво сказал:

– Возможно, ваше величество, вы правы. Подобное можно было бы реализовать, но остается единственный вопрос… Согласится ли Валенсия?

Мы с Александром переглянулись, и я прочла на его лице ту же мысль, которая посетила и меня. Даже если не принимать во внимание предложение о торговле с Шартаром, которая занимала отца в мою бытность валенсийской принцессой, после всего случившегося, когда Валенсия осознала, как близка была к новой войне с Вереантером, она на многое согласится, лишь бы не попасть снова в подобную ситуацию. Так что сложностей возникнуть не должно, а это означает, что соглашение с Шартаром будет подписано.

Глава 2

После обеда мы все переместились обратно в гостиную, где еще минут двадцать продолжалась вежливая беседа ни о чем, но невооруженным глазом было видно, что политикам не терпится вернуться к делам и обсудить детали, хотя теперь в переговорах появится третья сторона – Валенсия. Но дальше они уже справятся без моего участия, я только предложила им способ решения. Так что не прошло и получаса, как и вампиры, и гномы очень вежливо извинились передо мной и удалились в зал совещаний. Александр на несколько секунд задержался у софы, на которой сидела я, и, пока вампиры выходили из гостиной, вполголоса заметил:

– Это было великолепно.

Я польщенно улыбнулась. С братом Оттилии мы были знакомы уже достаточно долго, чтобы можно было поверить в искренность его слов.

– Думаете, они согласятся?

– Они – да, а вот Валенсия… Насколько им была нужна эта торговля металлами?

– Сейчас, когда Кэллахила они лишились, еще сильнее, чем раньше, – без сомнений отозвалась я. – Им же надо восстанавливать источники дохода.

Фон Виттен покинул гостиную одним из последних, и Александр, чтобы не привлекать внимания, поклонился мне

и вышел следом. Мы с гофмейстериной остались вдвоем, и я, не желая вступать в очередную дискуссию по поводу благотворительного комитета, объявила, что пойду к себе. Леди Амелл, чей задумчивый изучающий взгляд я ловила на себе последний час – кажется, вампирша не ожидала, что я ни с того ни с сего полезу в политику, – отреагировала на мои слова с небольшой заминкой. Не давая вампирше опомниться, я вышла в просторный коридор и успела заметить краем глаза, как леди Амелл встрепенулась и устремилась следом за мной. Она догнала меня, когда я успела дойти почти до конца коридора, и уже хотела что-то мне сказать, но тут внезапно мы столкнулись с двумя дамами, появившимися из-за угла. Ковровая дорожка, протянувшаяся через коридор, заглушала шаги, и я не слышала их приближения. Обе женщины были вампиршами, причем из высшего общества – от блеска украшавших их драгоценностей у меня зарябило в глазах. Мое внимание в первый момент привлекла лишь одна из них, та, которая была постарше своей спутницы: по ее лицу сразу становилось понятно, что она привыкла, когда ей подчиняются. Секунду ее черты выражали раздражение – кто-то встал у нее на пути, – и дама уже набрала воздуха в грудь, чтобы выразить свое возмущение, но затем с торопливостью, которая наверняка не соответствовала ее высокому положению, закрыла рот, а на лице появилось выражение самой искренней любезности. Узнала – поняла я.

– Приносим свои извинения, ваше величество, – медовым

голосом пропела она, и от прозвучавшей в нем приторности меня едва не передернуло. – Нам нет прощения.

– Все в порядке, – отозвалась я, еще не придя в себя от столь резкой смены масок и поведения и рассматривая высшую вампиршу. Среднего роста, так что я смотрела на нее сверху вниз, подчеркнуто молода – гладкая кожа, пухлые алые губы, очень длинные ресницы, блестящие светлые волосы, ровные дуги бровей, тонкая талия… По отдельности каждая деталь была настолько идеальной, что не возникало никакого сомнения в полной искусственности облика в целом. Сколько ей лет на самом деле – не меньше сотни?

– Ваше величество, позвольте представить вам герцогиню Евгению Шеффер, – чопорно произнесла леди Амелл, но от меня не укрылась торжествующая нотка в ее голосе. Она что, правда думает, что герцогине удастся убедить меня присутствовать на собрании? Затем гофмейстерина почему-то на секунду запнулась и с заминкой закончила: – И леди Элис Мальдано.

– Для нас огромная честь познакомиться с вами, ваше величество, – поток меда усилился, и я посмотрела на герцогиню с некоторым удивлением. – И я не могу не воспользоваться столь благоприятным случаем и не спросить вас – почтите ли вы завтра своим высочайшим присутствием наше скромное собрание?

«Ну, скромным это собрание точно не назовешь», – подумала я, разглядывая на герцогине тяжелое золотое ожере-

лье с россыпью рубинов, каждый из которых был размером с голубиное яйцо. Интересно, как эта вампирша не сгибается под его тяжестью? Пауза затянулась, и на лице герцогини Шеффер отразилось мимолетное беспокойство. Заинтересовавшись, я прислушались к эмоциям аристократки – та была не слишком способным магом и не умела ставить магический щит – и уловила в них привычную неприязнь, смешанную с беспокойством. Похоже, гофмейстерина зазывала меня в этот комитет только потому, что это считалось правильным, в то время как его глава вовсе не желала моего присутствия, поскольку я могла создать некоторую угрозу ее власти, ведь мое мнение невозможно было бы проигнорировать. Что ж, герцогиня, наши желания здесь сходятся.

– Я считаю благотворительность очень важной, – беспокойство в эмоциях герцогини Шеффер усилилось, – но собрание пройдет без меня. Уверена, благотворительный комитет находится в очень надежных руках.

– О, ваше величество, вы очень добры! – вскричала Евгения, а затем печально склонила голову. – Мне так жаль, что вас там не будет.

Судя по эмоциям герцогини, в этот момент ей больше хотелось запеть от радости, но я не стала ей об этом говорить. Весь этот фарс начал мне надоедать, и я уже хотела вернуть на свое сознание ментальный щит и продолжить путь, как внезапно меня окатило волной чужой ненависти – искренней, горячей. Не ожидая ничего подобного, я едва не спо-

ткнулась, а потом перевела взгляд на спутницу герцогини, на которую до этого момента не обращала внимания. Она была высокой – одного роста со мной – и молодой, намного моложе Евгении. Густые темные вьющиеся волосы обрамляли бледное привлекательное лицо, и именно оттого, что оно не было настолько идеальным, как лицо герцогини, эта женщина показалось мне гораздо более красивой, чем Евгения. Заметив, что я на нее смотрю, вампирша постаралась придать лицу приветливое выражение, но у нее ничего не вышло, и острая неприязнь в ее глазах так и не пропала. Впрочем, по сравнению с ненавистью, исходившей от нее в данный момент, леди Мальдано неплохо держалась.

Так, и откуда она вообще взялась? Ее ненависть – это не привычная нелюбовь вампиров к Этари вообще и наглой выскочке, в одночасье ставшей королевой, в частности. Тогда что? Арлион лично убил всю ее семью во время Кровавой войны? Или ее чувства направлены только на меня?

Да и леди Амелл почему-то запнулась, представляя ее. Почему?

Вампирши ушли своей дорогой, а мы с гофмейстериной направились дальше, причем она больше не пыталась заговорить. Я уже подумывала о том, чтобы расспросить ее об этой леди Мальдано, но, когда мы вышли в просторный холл и подошли к лестнице, из противоположного коридора возник мажордом в золоченой ливрее. Вот как этому низшему вампиру удается всегда держаться так, будто он принц кро-

ви, а окружающие – просто пыль под ногами?

– Ваше величество, леди фон Некер и граф Кэллахил просят вашей аудиенции, – объявил он так торжественно, словно со мной захотел встретиться верховный жрец богини Хель. – Вам будет угодно их принять?

Граф Кэллахил – это новый титул Кейна, который Адриан пожаловал ему полторы недели назад. Титул чисто номинальный, он лишь придавал имени новообращенного низшего вампира определенную значительность, благодаря которой он теперь мог спокойно жениться на дочери герцога. Интересно, когда произойдет это знаменательное событие? Кейн сделал Оттилии предложение на следующий же день после того, как стал графом, и та немедленно его приняла, но дату свадьбы пока не назначили. Насколько я понимала, родственники вампирши пребывали в некоторой растерянности от прыти дочери, которая долгое время оставалась совершенно равнодушной к вниманию поклонников, и возможно, именно поэтому мои друзья с венчанием решили не спешить. Может, сейчас они приехали как раз для того, чтобы сообщить дату?..

– Мы уезжаем из Вереантера, – сообщил Кейн, когда приветствия и объятия подошли к концу и мы все расселись у меня в будуаре. По сравнению с тем временем, когда маг был человеком, сейчас мне отчетливо бросалась в глаза его бледность, сменившая ровный летний загар, а когда Кейн улыбался, у него во рту можно было разглядеть удлинившиеся

клыки, но больше никаких кардинальных перемен я в нем не заметила. Оттилия помогала ему освоиться в новой ипостаси, а взглянув на подругу, я подумала, что еще ни разу не видела ее настолько счастливой и довольной жизнью, как в последние две недели.

– Даже так? – удивилась я, не ожидая такого поворота, и перевела взгляд с одного на другую. – И куда вы поедете?

Продолжить обучение в академии Кейн уже не смог бы, поскольку темным магам путь на факультет целителей был заказан. Не в Госфорд же они собрались отправиться вдвоем?

– Мы поедем в Шалевию, – негромко сказала Оттилия. – Отправимся завтра с утра.

В тот момент у нее было очень серьезное лицо, из-за чего подруга внезапно стала казаться старше. Я сразу все поняла и взглянула на Кейна.

– Ты хочешь вернуться в свое имение?

– Сейчас самый подходящий момент для этого, – со вздохом отозвался он. – Однажды мне все равно пришлось бы вернуться. Да и надо бы сообщить моим родственникам, что я женюсь, и представить им невесту.

– А как же Госфорд? – с любопытством спросила я Оттилию.

– Ну… Не всю же жизнь мне размахивать мечом. Есть и более важные вещи.

Вампирша независимо тряхнула короткими волосами, и

я едва не упала со стула. От Оттилии ли я только что услышала, что она готова сложить оружие и заняться чем-то другим? Да Катерина умерла бы от радости, если бы услышала сейчас свою дочь!

– Ты сама скоро отправишься в академию, так что будем поддерживать связь и дальше через зеркала-артефакты. Соскучиться не успеем, – пообещал Кейн, и я улыбнулась, чувствуя на душе легкую щемящую грусть. Все-таки последние два года мы почти все время были вместе, и все опасности и приключения встречали всемером, а теперь наши дороги расходятся…

Попрощавшись с друзьями, я вернулась в свои покои, где Сюзанна принялась вытаскивать заколки у меня из волос. Проворные руки легко порхали вокруг моей головы, а сама камеристка что-то напевала себе под нос. Бездумно глядя то на свое отражение в зеркале туалетного столика, то на Сюзанну, я вдруг подумала, что вот она бы смогла ответить на интересующий меня вопрос.

– Сюзанна, а ты знаешь леди Элис Мальдано?

Девушка в первый момент ничего не ответила, но от неожиданности так сильно дернула меня за прядь волос, что я поморщилась. Лицо у нее стало подчеркнуто-деловое, и подобная реакция была вполне убедительным ответом. Что же это за леди Мальдано такая, раз даже горничная не хочет отвечать прямо?

– Да, мадам, знаю, – наконец неохотно ответила она, от-

кладывая в сторону последнюю заколку и беря в руки щетку для волос.

– И кто она? – Камеристка избегала смотреть в глаза и начала с повышенной старательностью расчесывать мне волосы, и я сказала настойчивее, с приказными нотками: – Сюзанна!

– Она была женой одного лорда, но вот уже несколько лет вдова и живет при дворе. Муж оставил ей достаточно средств. И… – Вампирша помялась и на одном дыхании выпалила: – В общем, с его величеством они были очень близки.

Вот как! Подобное предположение почему-то не пришло мне в голову, хотя у Адриана уж наверняка в свое время были фаворитки. Назвала же его Оттилия однажды сердцеедом… Значит, у меня под носом неожиданно оказалась оскорбленная бывшая любовница, недовольная, что ее бросили? Неужели она рассчитывала, что будет как-то иначе?

– Еще совсем недавно при дворе ходили слухи, что леди Мальдано станет королевой, – совсем тихо добавила Сюзанна. – Она пользовалась множеством привилегий, которых не было ни у кого до нее… По крайней мере, я так слышала.

Позабыв о том, что камеристка занималась моими волосами, я вскочила – Сюзанна испуганно отпрянула, в последний момент отпустив мои волосы, – и в задумчивости прошлась по комнате. Сюзанна поспешно отступила к стене, чтобы не мешаться под ногами, и ее лицо скрыла тень, но я едва обра-

тила на нее внимание. Вот только ревнивой разъяренной фурии, которая внезапно потеряла все свое влияние при дворе, мне не хватало для полного счастья. Недоброжелателей у меня и так достаточно, но с этой – мне вспомнилась та незамутненная ненависть, которую я почувствовала в эмоциях женщины – станется и подсыпать мне яду в тарелку и ударить кинжалом в спину. Как бы мне потактичнее отослать ее прочь из дворца? И не просто оставить в Бэллиморе, а отправить на какую-нибудь окраину страны, откуда она уж точно не вернется? А что? В конце концов, ну зачем ей оставаться при дворе, если окружающие смотрят на нее теперь не как на возможную королеву, а бывшую фаворитку, которой уже не на что рассчитывать? Пусть отправляется в Ферману, и, если мне повезет, там она попадется этим так называемым «восстановителям справедливости», и я о ней больше ничего не услышу… Да и Адриан, кстати, тоже.

Тут я сообразила, что размышляю, как любая ревнивая жена, которой не терпится избавиться от соперницы, и очень на себя рассердилась. Ну какая она мне соперница?

Или все-таки соперница?.. Сюзанна же сказала, что Элис пользовалась множеством привилегий – вряд ли Адриан ей это бы позволил, если ему было бы все равно…

Не то чтобы я испытывала серьезное беспокойство по этому поводу, но неприятный осадок все равно остался. Так бывает – вроде бы все хорошо, и беспокоиться не из-за чего, но все равно остается эта мерзкая мыслишка, от которой никак

не удается избавиться – «А вдруг?..».

Адриан вернулся в тот день поздно. До вечера я была чем-то занята и даже приняла какую-то маркизу, которая просила моей аудиенции. Как выяснилось, она пришла походатайствовать, чтобы ее младшего сына зачислили в королевскую гвардию. Я пообещала принять к сведению ее просьбу, а когда она ушла, обнаружила, что даже не помню имя посетительницы. Вечером леди Амелл попыталась затащить меня на ужин с очередной группой знатных дам, но я решительно отказалась и поужинала в одиночестве. Когда же мажордом сообщил мне, что отправившиеся в Ферману вампиры вернулись, за окном было уже совсем темно, но все равно прошло еще не меньше часа, прежде чем Адриан вошел в спальню, где я сидела в кровати с книгой. Вид у архивампира был уставший, и я хотела было вылезти из-под одеяла и подбежать к нему, но в последний момент внезапно остановилась. Что-то было не так. Помимо усталости на лице Адриана можно было разглядеть какую-то отчужденность, и шестым чувством я ощутила, что произошло что-то плохое. Что эта отчужденность была направлена на… меня.

– Удалось разобраться с Ферманой? – осторожно спросила я. – Вы из-за нее столько времени сейчас совещались?

– С Ферманой по-прежнему непонятно, но не в этом дело, – только в этот момент я заметила у него в руке распечатанный конверт. Я уже хотела задать следующий вопрос, но тут он без какого-либо перехода спросил: – Корделия, как

Арлиону удалось сбежать из дворца в Дионе?

В комнате повисла звенящая тишина, показавшаяся мне по-настоящему оглушительной. Благодаря тому, что почти всю свою жизнь я провела в высшем обществе, где без лицемерия было бы не выжить, я умела владеть собой и выкручиваться из неприятных ситуаций. Я могла бы сейчас изобразить недоумение, злость, растерянность… Но не смогла. Адриан продолжал смотреть мне в глаза – в неярком свете магических светильников его взгляд показался мне особенно пронзительным – и у меня язык не повернулся солгать. Вместо этого я продолжала молчать, упуская шанс на спасение, и он сразу все понял.

– Откуда ты узнал? – выдавила я, чтобы хоть чем-то нарушить эту тишину.

Не сдвинувшись с места, Адриан протянул мне конверт, и я поднялась с кровати, подошла к архивампиру и взяла белый прямоугольник. Конверт был скреплен воском, но оттиск на нем отсутствовал, а лист бумаги внутри – не подписан. В записке лаконично сообщалось, что во время штурма дворца в Дионе я по собственной воле позволила архимагу Арлиону Этари скрыться от правосудия, а в качестве доказательства предлагалось спросить лично меня.

Первая мысль, которая меня посетила – кто об этом узнал? Кому удалось подслушать наш с Арлионом разговор, и кто видел, как я дала архимагу спокойно уйти через потайной ход? Кто изучил мой характер настолько хорошо, что

понял: я не смогу во второй раз соврать Адриану?!

– Зачем? – сухой, как будто незнакомый голос напугал меня еще больше, и я, оторвавшись от злосчастной записки, перевела взгляд на архивампира. С виду он оставался спокойным – его лицо не выражало никаких эмоций – но я знала его уже достаточно хорошо, чтобы понимать, что это лишь маска, и мне было страшно представить, что под ней скрывалось.

– Я должна была это сделать, – сквозь зубы сказала я, прекрасно понимая, каким жалким может показаться такой ответ. Что ж, кажется, мы наконец-то подошли к вопросу, который беспокоил меня все эти две недели.

– Из родственных чувств? – иронично осведомился Адриан прежде, чем я успела придумать, как бы мне перевести разговор на бывшего советника его отца, спровоцировавшего начало Кровавой войны, и которому собрался мстить Арлион. – Ты с ума сошла?

– Арлион лишился сил! Он больше не архимаг и лично тебе вреда причинить уже не сможет! – В данном споре это был мой главный аргумент, который почему-то сейчас прозвучал на редкость неубедительно.

– Да когда его это останавливало?! – архивампир раздраженно выдохнул, давая выход своей злости. Напряжение в комнате сгустилось, и у меня мелькнула неуместная мысль открыть окно, поскольку в спальне вдруг стало нечем дышать. – В прошлый раз он вообще был мертв, и тем не менее

нашлись те, кто его воскресил! А в этот раз он просто найдет себе новых сторонников, и они будут выполнять за него всю грязную работу…

– Он не будет их искать, потому что, помимо тебя, есть всего один вампир, которого он хочет убить, он сам мне сказал! – выпалила я, не в силах больше молчать. – И, если быть откровенной, я считаю, что этот вампир заслужил смерть!

После небольшого молчания, когда Адриан удивленно смотрел на меня, он спросил:

– И кто же это?

– Лэ… Филипп Лэнгстон.

– Бывший советник? О, понимаю. – Я ждала вопросов, но вместо этого архивампир презрительно усмехнулся. – Лэнгстон в свое время приложил множество усилий, чтобы предотвратить Кровавую войну, а впоследствии – чтобы остановить Арлиона, и мой отец всегда считал его другом. Поэтому Арлион решил от него избавиться?

– Это Лэнгстон пытался предотвратить Кровавую войну?! – от изумления я забылась и невольно повысила голос. Перед глазами, как наяву, возникло бездыханное тело Исабелы и мертвые от горя лица Арлиона и Магнуса, и от этой картины мои руки затряслись. – Адриан, ты ничего о нем не знаешь! Сто лет назад именно Лэнгстон организовал заговор против твоего отца, он подталкивал обе страны к войне!

– Неужели? – саркастически спросил Адриан, и я поняла, что он мне не поверил. – Тогда какой резон Арлиону его

убивать, если у них была одна цель? Один организует заговор, а другой убивает королеву?

Секунду я смотрела на него, и, должно быть, было в моем взгляде что-то такое, из-за чего на лице архивампира вдруг отразилась тревога.

– Арлион не убивал твою мать, – наконец тихо сказала я. – Это сделал Лэнгстон.

В тот же самый момент я поняла, что перегнула палку. Затронула запретную тему и произнесла именно то, чего лучше было бы вообще никогда не говорить. Глаза Адриана превратились в куски темно-серого льда, и, когда он посмотрел на меня, я невольно отшатнулась назад: выражение его лица стало по-настоящему жутким. Все-таки, несмотря на то, как сильно изменились за это время наши отношения, предрассудки против Этари по-прежнему оставались сильны, и Адриан не был готов услышать новую правду, и уж тем более – принять ее.

– Это Арлион так промыл тебе мозги? – спросил архивампир таким нечеловеческим тоном, что мне впервые за все время стало реально страшно.

«Соври!» – во весь голос завопила интуиция, но я, словно под гипнозом, медленно покачала головой.

– Нет. Я это просто знаю.

– Просто знаешь, – повторил он и усмехнулся. Черты лица Адриана заострились, и оно теперь походило на человеческое лишь отдаленно. – Что ж, это был отличный план.

Ты собралась по очереди настраивать меня против приближенных? Остроумно. И, главное, как раз в духе твоей семьи. Только ты просчиталась и взялась за дело слишком быстро. Еще несколько месяцев тебе стоило подождать.

– Что?! – Я изумленно вскинула брови, меньше всего ожидая подобного обвинения, и позабыв, что Адриан сейчас вновь походил на архивампира-правителя, который ненавидел меня два года назад, шагнула к нему. – Это абсурд!

– В самом деле? – Он отстранился, когда я попыталась взять его за руку, и я дернулась, как если бы он меня ударил. – Сначала ты позволила самому кровавому архимагу в истории сбежать, а сейчас пытаешься очернить вампира, который всегда был предан престолу, и думаешь, что это сработает? Только у тебя ничего не выйдет.

Он резко повернулся ко мне спиной и направился к дверям. Растерянная, я не знала, что делать, и сделала несколько шагов следом за ним, будто рассчитывала его вернуть. На пороге Адриан ненадолго остановился.

– Возвращайся в академию, как собиралась, Корделия. Виктор откроет вам с Люцием завтра портал.

– Адриан, подожди! – крикнула я, ощущая, как в груди медленно разливается удушающая пустота, грозящая задавить меня целиком, и голос из-за этого прозвучал очень тонко. Или это просто слезы подступали?

Этого не может быть. Это все происходит не со мной, а с кем-то другим. Этот мужчина не мог так со мной поступить

после всего, что с нами случилось!

– Это не просьба, а приказ. – Голос холодный, как зимняя стужа, и тон… точно я говорила с королем, а не с мужем.

Дверь за ним закрылась, и я осталась одна посреди комнаты.

Полночи я просидела на кровати, не гася свет, и ждала, когда вернется Адриан.

Но он так и не пришел.

Глава 3

До утра я пролежала на кровати поверх одеяла и равнодушно смотрела, как ночная тьма за окном сменялась серыми сумерками. Мысли текли медленно, вяло, тяжело и своей беспросветностью напоминали мне смолу. Временами мне казалось, что эта вязкая черная жижа затопит меня целиком, и я в ней попросту задохнусь. Остаток ночи я провела, то проваливаясь в недолгий тревожный сон, то находясь в полубодрствующем состоянии, когда реальность видится как будто через плотную туманную пелену.

Я же с самого начала знала, что он мне не поверит. И все тянула, тянула с этим разговором, никак не могла его начать… Выходит, правильно делала? Всю свою жизнь, все свои сто восемь лет он твердо верил, что Исабелу убил Арлион, и ему должна была показаться дикой сама мысль о том, что главным злодеем в этой истории являлся не безумный темный эльф, а вампир, чья преданность всегда виделась неоспоримой… И доказательств у меня никаких нет. Есть сны-воспоминания, но я не настолько владею ментальной магией, чтобы показать их Адриану, а без подтверждения одного моего слова будет явно недостаточно. Но почему? Выходит, Адриан все же не настолько мне доверяет, как утверждал раньше? Или я коснулась темы, которая в такой мере болезненна, что лучше бы ее никогда не поднимать?

Так что Лэнгстон может спать спокойно, мрачно усмехнулась я и перевернулась на другой бок. Его благополучию ничто не угрожает, и даже тот факт, что я стала невольным свидетелем случившегося, ничего не изменит.

Тогда почему Арлион оставался так уверен, что бывший советник Магнуса предпримет шаги к моему устранению? И хотя прошло уже две недели с тех пор, как были улажены дела с Валенсией, и жизнь вернулась в более или менее спокойное русло, я не заметила ничего, что могло бы как-то мне угрожать. Сам Лэнгстон даже не появлялся в столице и почти все время проводил в своем загородном имении, а его земли, кстати, граничили с герцогством фон Некер, как при мне упомянула как-то герцогиня Катерина. Тогда же она добавила, что это было странно, поскольку Лэнгстон всегда предпочитал жизнь в столице, даже после отставки, и его неожиданное затворничество, начавшееся в начале этого лета, многим аристократам показалось непонятным.

Так что же он мог бы предпринять против меня? Самое плохое, случившееся за это время – ссора с Адрианом, но что-то я сомневаюсь, что она могла быть как-то спровоцирована Лэнгстоном. Адриан удивился, когда я назвала его имя, значит, не советник подошел к нему с предложением вызвать меня на откровенный разговор.

Мысли, медленно крутившиеся уже который час по одному кругу, снова потекли со стремительной скоростью. Анонимное письмо, которое прислали Адриану. Кто мог подслу-

шать наш с Арлионом разговор? Я помню, что в коридоре в тот момент находились стражники-вампиры, которые преследовали архимага, и уж они бы не стали подслушивать, а сразу вломились в комнату. Но ведь есть еще потайной ход, он начинался в той самой гостиной… Может, кто-то находился в тоннеле и все слышал? Но зачем ему так подставлять меня, если, конечно, там не прятался сам Лэнгстон?

Впрочем, последний вопрос был чересчур наивным. И так понятно, что после того, как Кэллахил перешел к Вереантеру, в Валенсии меня проклинают всеми возможными способами. Находись в потайном ходе Мариус или кто угодно из моих родственников, – а их же успели увести в безопасное место с поля боя! – и он без малейших угрызений совести попытался бы испортить мне жизнь.

Но на какой эффект рассчитывал этот неизвестный, отправляя свое письмо? Что архивампир разозлится до такой степени, что казнит провинившуюся супругу? Подобный шаг был совсем не в духе Адриана, он никогда не рубил с плеча, а предпочитал сначала все обдумать. Но надо признать – во время нашего злополучного разговора Адриан не слишком походил на того, кто уже просчитал свои дальнейшие шаги. Письмо явно застало его врасплох, и если учесть, что часом ранее он вернулся из вереантерской провинции, а до этого все было прекрасно, послание он прочитал именно за этот час до того, как пришел ко мне. Тогда на что был расчет? Архивампир в приказной форме велел мне покинуть не

то что столицу, а Вереантер вообще – по сути, отправил в ссылку на неопределенный срок. Какая от этого может быть выгода моему недоброжелателю? Ведь в академии добраться до меня будет не так-то просто, да и Люций защитит меня. Так что вряд ли кто-то хочет моей смерти. Значит, дело в том, чтобы просто испортить мне жизнь?

Ну, погодите, родственнички, если это вы, я вам такое устрою… Потеря Кэллахила по сравнению с этим покажется вам просто летним бризом на фоне надвигающегося на рыбацкую деревушку урагана.

Но ведь… в некотором роде я это заслужила, да? Внутри меня медленно, словно кофе на огне, начало подниматься чувство вины, заглушившее обиду и смятение. Я же с самого начала знала, как важно для Адриана остановить Арлиона, и тем не менее добровольно отпустила его, даже не сделав попытки помешать. Это ли не предательство?

Быстрый стук в дверь, и раздавшееся следом жизнерадостное: «Доброе утро, ваше величество!» – заставили меня удивленно приподнять голову. Сюзанна тем временем проворно раздвинула шторы, и комнату залил утренний свет. И сразу оказалось, что ночь давно прошла, конец света не настал, и жизнь потекла полным ходом дальше. Камеристка выглядела такой же приветливой, как всегда, и я некоторое время удивленно за ней наблюдала: все еще не придя в себя после ссоры, я была абсолютно уверена, что уже весь дворец был осведомлен, что королева попыталась оклеветать чест-

нейшего и преданнейшего королевского советника, пусть и бывшего. Увидев, что я лежу поверх одеяла, Сюзанна всплеснула руками.

– Ваше величество, вы не замерзли?

– Нет, – голос звучал сипло после слез, и я прокашлялась. В голове снова зазвучали последние слова Адриана, и мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы выглядеть спокойной. – Сюзанна, собери мои старые вещи. Я возвращаюсь сегодня в академию. И найди мне Люция.

– Вы здоровы? – камеристка пристально взглянула на меня, и ее лоб озабоченно нахмурился.

– Со мной все в порядке. Иди.

Сюзанна присела в реверансе и наконец-то убралась с глаз долой, а я выдохнула и крепко зажмурилась. Ничего, осталось не так долго. Сейчас камеристка уложит мои сумки, придворный маг откроет нам с Люцием портал, мы покинем Вереантер, и больше не нужно будет ежесекундно напоминать себе о необходимости «держать лицо».

Хотя нет, не так. Если я вернусь в академию, уж там-то я должна буду выглядеть невозмутимой и уверенной в себе, чтобы мои недоброжелатели не усомнились в том, что за моей спиной стоит весь Вереантер, и потому лучше держаться от меня подальше. А то ведь, если узнают, что меня попросту отослали прочь, плохо мне придется…

Пройдясь в задумчивости по комнате, я обнаружила, что остановилась около зеркала, и после паузы посмотрелась в

него. Плоская поверхность отразила мою «неземную» красоту – спутанные кудрявые волосы, бледную физиономию, покрасневшие от слез и бессонной ночи глаза и мешки под ними.

Хороша сверх всякой меры, нечего сказать.

И ведь я-то отправлюсь в академию, а Адриан останется в компании леди Элис, которая как пить дать бросится его утешать. И как он поступит? Насколько сильно он на меня рассердился?

Вернулась Сюзанна с подносом и, пока я пыталась есть и давилась буквально каждым куском, собрала в гардеробной мою одежду, а затем вернулась в комнату и принялась укладывать прочие мелочи – щетку для волос, расческу, мыло, зеркальце. Доев, я достала из ящика туалетного столика кожаный мешочек и потрясла его. В деньгах я в своем новом положении ограничена не была, но до сей поры у меня не было крупных трат, и приличная сумма, выданная мне неделю назад казначеем, оставалась почти нетронутой. Раздался приятный звон, и я сунула мешочек в карман старой куртки, которую сейчас собиралась надеть. Конечно, надолго этих денег не хватит, но, находясь в академии, вряд ли я смогу потратить их быстро.

Сарды и парные кинжалы последовали в одну из сумок, и Сюзанна вынесла их в гостиную. Едва я вошла туда, как в дверь постучали. Мое сердце совершило кувырок, но вошли лишь Люций и мажордом. Мой учитель был одет по-дорож-

ному, и на меня он посмотрел сдержанно-вопросительно, а мажордом с поклоном сообщил:

– Господин архимаг ожидает вас.

Как оказалось, Виктор ждал во внутреннем дворе – мне было позволено отправиться в академию верхом. Словно под конвоем – мажордом впереди, Люций и Сюзанна с вещами сзади – меня провели сначала к конюшне, где нас с Люцием дожидались две оседланные лошади. Потом конюхи с поклонами удалились, и остался один Виктор. Увидев меня, он вежливо поздоровался, а я окончательно убедилась, что Адриан пока никому не рассказывал о случившемся и, судя по всему, только поставил в известность о моем отбытии тех, кого необходимо, не объясняя причин. Архимаг бросил на меня встревоженный взгляд, а я с новым приливом обреченности подумала, что скоро лишусь тех крох уважения, которое успела заработать у приближенных Адриана. Семья Оттилии относилась ко мне хорошо, да и с Виктором мы из состояния вооруженного нейтралитета перешли к нейтралитету обычному, а теперь, как только они все узнают, что я сделала, снова начнут меня презирать. Жаль. Расположение именно этих вампиров было действительно обидно терять.

Адриан так и не показался, и Виктор открыл нам портал. Люций помог Сюзанне закрепить сумки у седел, и мы верхом направились к открывшемуся посреди двора иссиня-черному провалу. Краткий миг полной темноты – и мы обнаружили себя у крепостной стены Адэра неподалеку от городских

ворот. Портал закрылся, и через секунду уже ничто не напоминало о том, что мы были в Бэллиморе. Словно время повернулось вспять, и я снова воротилась на два года назад, когда осталась сама по себе.

Простояв минут пятнадцать в очереди желавших попасть в город и заплатив за право прохода две серебряные монеты стражникам, мы въехали в Адэр. День выдался обычный, не базарный, и на улицах было не слишком многолюдно, и по знакомому маршруту мы вскоре добрались до темно-серой стены академии. Всю дорогу Люций молчал, каким-то непостижимым образом угадав, что я сейчас не стану ничего обсуждать.

За ворота нас пропустили неожиданно быстро – дежуривший там студент-привратник, как выяснилось, был предупрежден о нашем прибытии и только напомнил мне зайти к декану. Едва въехав на территорию академии, мы сразу спешились и повели лошадей к конюшне. До нас доносились многочисленные страдальческие стоны и командирский зычный голос – во дворе перед академией магистр Дорн уже вовсю гонял каких-то несчастных студентов со стихийного факультета. Пятиэтажное здание с красной крышей, построенное в форме своеобразной звезды, было таким же величественным, утреннее осеннее солнце освещало пока еще зеленую траву, и роса блестела, и небо было потрясающе прозрачным, каким оно бывает только в начале осени, и мне вдруг стало легче на душе.

Обогнув занимавшихся студентов по широкой дуге, чтобы избежать лишнего внимания, мы отправились сразу к крылу, в котором располагался боевой факультет. Занятия были в разгаре, и по дороге нам встретились лишь два аспиранта и незнакомый студент, а уж в коридоре у кабинета Вортона и вовсе царили тишь да гладь. Глубоко вздохнув, – предсказать заранее реакцию декана на мое возвращение у меня не получалось, – я постучалась и, дождавшись разрешения, толкнула тяжелую дверь. Вортон сидел за столом в окружении бумаг и при нашем появлении даже не поднял головы.

– А, ваше величество. – На меня он по-прежнему не смотрел, и голос звучал равнодушно, но тем не менее о моем появлении ему уже было известно. – Рано вы, мы вас только через несколько дней ждали…

Я молчала, и спустя несколько секунд Вортон оторвался от бумаг и смерил меня задумчивым, внимательным взглядом. Уж не знаю, что он видел, но внезапно его лицо слегка оттаяло и стало более человечным.

– С возвращением, – сказал он нормальным тоном, и я поняла, что он готов видеть во мне не просто Этари или королеву, а студентку своего факультета. – Не буду тратить время на формальности и сразу спрошу: несмотря на раннее возвращение, все наши предыдущие договоренности остаются в силе?

– Да.

– Хорошо, – он кивнул и перешел на деловой тон. – Значит так, о том, кто ты, известно только преподавателям. Студенты ничего не знают. Так что ты будешь продолжать использовать свое старое имя, и вся твоя жизнь в академии будет такой же, как раньше. Твоему телохранителю, – он бросил взгляд в сторону Люция, – мы выделим комнату при факультете. Только предупреждаю сразу: стычки между темными и светлыми по-прежнему неизбежны, и я не хотел бы, чтобы какого-нибудь светлого идиота убили только потому, что он косо на тебя посмотрел. Это понятно?

– Вполне, – пожала плечами я. Люций ничего не сказал, но склонил голову в знак согласия.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул Вортон. – Окружающим мы решили говорить, что ты собралась замуж за знатного вампира, и до свадьбы он приставил к тебе телохранителя – чтобы не возникло ненужных вопросов. Тогда сейчас можешь отправляться в общежитие, а потом и в библиотеку за учебниками. Начало учебного года ты пропустила, но нагонишь без труда. К тому же занятия по некромантии начнутся только со следующей недели. Расписание висит в коридоре, на физическую подготовку ты по-прежнему не ходишь, лекции можешь посещать хоть с сегодняшнего дня. Все, свободна.

Взглянув на свою правую руку, я сформировала простые чары невидимости, и обручальное кольцо пропало с пальца. Декан же устало потер переносицу и тоскливо покосился на

кипу бумаг, которые изучал до нашего прихода. Но прежде чем он вернулся к ним, в дверь снова постучали, и в кабинет вошел магистр Лэшел, загоревший за лето и нисколько не утративший своего обаяния. Как и Вортон, Лэшел был одет в привычный фиолетовый балахон, длинные волосы собраны в хвост, отставляя открытым молодое, почти мальчишеское лицо, а в ухе качалась серьга – коготь мантара на цепочке. Но едва магистр увидел меня, как добродушное выражение словно стерли с его лица, карие глаза похолодели, и весь облик моего преподавателя стал выражать сдержанное презрение. Выдавив что-то в ответ на мое приветствие, он повернулся к Вортону и уже не обращал на меня внимания, будто меня не было.

Да уж… Со всеми этими треволнениями последних месяцев я и забыла, что я в первую очередь трейхе Этари, и преподавателям теперь об этом известно… И если Лэшел, который всегда неплохо ко мне относился, так резко отреагировал на мое появление, как поведут себя светлые маги, обычно не отличающиеся излишней сдержанностью?

Обидно, конечно. Лэшел мне нравился, и его неприязнь задела меня сильнее, чем мне бы того хотелось.

Кивком Вортон разрешил нам с Люцием идти, и мы вместе покинули кабинет. Решив не тратить время, я сразу направилась в библиотеку, попутно показывая Люцию, где что находится. В факультетской библиотеке мне выдали очередную кипу книг, которую я решила изучить позже, и Люций,

не дожидаясь моей просьбы, подхватил почти всю стопку, оставив мне буквально пару томов, и мы отправились в крыло, где располагалось общежитие. Там мы вместе поднялись на нужный этаж и зашли в хорошо знакомую мне комнату, в которой я прожила весь первый курс. На письменном столе уже лежали учебники по прорицанию, а на стуле у кровати я заметила знакомый голубой плащ, но сама комната была пуста. Значит, Бьянка сейчас на занятиях. Люций положил книги на свободную половину стола – я в это время закрыла за нами дверь – и повернулся ко мне. Невозмутимое выражение пропало, и сейчас он казался скорее обескураженным.

– Что произошло? – хмуро спросил он.

– Мы просто отправились сюда на несколько дней пораньше, – буркнула я. Потом поймала взгляд Люция – высший вампир не мигая смотрел на меня – вздохнула и нехотя сказала: – Мы с Адрианом поссорились.

Люций вздернул бровь и прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

– Ну что ты так на меня смотришь? – сердито спросила я, не желая делиться подробностями. – Идеальных браков не бывает! Все иногда ссорятся!

– Ссорятся – это не разговаривают друг с другом в течение максимум пары дней или что-нибудь в этом духе, – наконец соизволил уточнить мой учитель. – А не скоропалительно отправляют в другую страну.

Неразговорчивость Люция была мне хорошо известна, но именно сейчас это выглядело так, что уйти от ответа представлялось невозможным. Впрочем… Я теперь не имею понятия, как сложится моя дальнейшая судьба, и уж Люций имел право знать, во что ввязался.

– Если говорить кратко, то я с сегодняшнего утра нахожусь в опале, – я вздохнула и села на край своей кровати. – Точнее, со вчерашнего вечера.

– Могу я узнать причину? – с безукоризненной вежливостью осведомился вампир, поскольку я снова замолчала.

– Нет, – я поморщилась. – Ты мне все равно не поверишь. Даже Адриан не поверил…

Больше про Лэнгстона я говорить точно не буду, поскольку нового потока недоверия и злости от близкого человека я точно не выдержу. На последних словах голос вдруг сорвался, и в резких чертах Люция мне почудилось сочувствие. Это было еще хуже, и я, собрав волю в кулак, сказала:

– Можешь идти обживаться. Тебе же надо посмотреть, куда тебя поселили…

Он понял меня правильно и не стал возражать. Коротко поклонился и бесшумно удалился, так что я даже не услышала, как закрылась дверь.

Глава 4

После ухода Люция я еще некоторое время бездумно сидела на кровати, глядя в окно, в котором можно было увидеть только голубое осеннее небо. Но потом мне вдруг пришло в голову, что сидеть и страдать можно сколько угодно, но делом заняться все-таки надо. Все же в академию я приехала учиться, так что можно смело приступать к учебе хоть сейчас. Адриан же… Ну, подождем пару дней, он остынет и будет готов поговорить со мной начистоту. Не могла же эта ссора разрушить все, что между нами было, наш брак, в конце концов…

Неприятную мыслишку, что все не так просто и обычные бытовые ссоры не заканчиваются ссылкой, я затолкала подальше.

Разгладив покрывало на кровати, я принялась разбирать вещи. Одежду повесила в шкаф, сарды, как и в прошлом году, спрятала под кровать. Шерстяной плащ повесила на крючок у двери, а затем переоделась в любимые рубашку и штаны. Нет, красивые платья и драгоценности – это, конечно, замечательно, но длинные юбки невероятно мешают ходить, а уж о том, чтобы в них бегать, даже говорить не приходится…

Ах нет, прошу прощения. Я же королева, мне бегать уже по статусу не положено!

«Да, может, ты и королевой уже не станешь, – язвительно сообщил внутренний голос. – Вот решит Адриан окончательно, что ты лгунья и клеветница, и до коронации дело тогда вообще не дойдет! Будешь и дальше бегать от своих врагов сколько твоей душе угодно!»

Мрачно усмехнувшись, я накинула фиолетовый балахон и подсела к столу, где лежали принесенные из библиотеки учебники. Из старых дисциплин остались все, кроме истории магии, новых предметов не добавилось, но старые заметно усложнились. Так, открыв учебник по теории магии, я убедилась, что магистр Плиний в прошлом году не соврал, и со второго года обучения студенты переходили к более подробным вещам – книга изобиловала схемами связок и блоков, из которых создаются плетения, в самых разных комбинациях. Учебник лечебной магии меня заинтересовал мало – едва пролистнув его, я убедилась, что ничего сложнее лечения ожогов второй степени там нет. А вот некромантия меня неожиданно увлекла, поскольку вместо надоевших проклятий нам в этом году предстояло перейти к более некромантским вещам вроде поднятия зомби. Кстати, интересно, кого назначили на должность декана факультета некромантии? И кто будет у нас преподавать ее в этом году? Вортон, кажется, сказал, что занятия начнутся только со следующей недели… Значит, долговязого аспиранта Моргана у нас больше не будет?

Из приоткрытого окна начали доноситься голоса, во дво-

ре академии показались разноцветные фигуры студентов, и из коридора тоже послышался шум – занятие закончилось. Студенты на улице начали неторопливо разбиваться на группы и располагаться на перемену прямо там – кто на траве, кто на скамейках – чтобы насладиться последними теплыми днями. Еще через несколько минут дверь комнаты распахнулась, и внутрь впорхнула невысокая русая девушка в синем балахоне прорицательницы. В руках она держала несколько книг и продолжала весело переговариваться с кем-то из своих друзей, кто оставался снаружи. Заметив меня, она внезапно остановилась, а ее рот сложился в идеально ровную букву «о».

– Привет, Бьянка. – Изумление на ее лице было настолько забавным, что я не сдержала улыбки.

Решительным движением она закрыла за собой дверь, отрезая нас от голосов и топота в коридоре, а затем повернулась ко мне, улыбаясь во весь рот.

– Корделия! – Мы обнялись, а затем она недоверчиво покачала головой. – Поверить не могу, что ты здесь! А я все думала, почему ко мне никого не подселяют… Так ты решила учиться дальше?

– Точно.

– Но разве ты не должна заниматься делами, которые… – Она сосредоточенно хмурила брови, подыскивая подходящие слова. – …Которые больше соответствуют тебе по статусу?

Я постаралась улыбнуться как можно безмятежнее и пожала плечами, не желая сразу рассказывать о возникших проблемах. Судя по тому, что Бьянка ни на секунду не усомнилась в моих словах, у меня получилось вполне убедительно.

– Я рада, что ты вернулась, – искренне сказала она. – А Кейн? Он будет учиться дальше?

Я и забыла совсем, что с Бьянкой в последний раз мы виделись на моей свадьбе, и, соответственно, ей было неизвестно о переменах, которые произошли в жизни нашего с ней общего друга… Да и вообще знает ли она о том, что произошло в Дионе две недели назад?

– Знаю, – заверила меня подруга, едва я задала последний вопрос. – Сложно было бы скрыть от постороннего внимания покушение сразу на две королевские семьи, так что даже в Аркадии известно, как вы воевали с Арлионом Этари.

– Кейн стал вампиром, – сообщила я, мельком подумав, что такие события, как нападение армии зомби и частично разрушенный королевский дворец и в самом деле не могли не стать достоянием гласности. – Теперь он темный и, следовательно, не может учиться дальше на целителя. Сейчас он повез свою невесту знакомиться с родственниками в Шалевию и в академию больше не вернется.

Бьянка прошла мимо меня и положила книги на стол, а затем до меня донесся отчетливый вздох.

– Жаль, – нехотя сказала она. – С ним было интересно. Да

и весело тоже.

Я удивленно на нее посмотрела, не ожидая подобной реакции, поскольку даже не думала, что прорицательница может принять случившееся так близко к сердцу. Заметив мою высоко вздернутую бровь, Бьянка хмыкнула.

– Не пойми меня превратно, – сейчас она выглядела уже совершенно спокойной. – У меня не было к нему никаких романтических чувств, и я рада, что он счастлив. Но, согласись, без него учеба будет уже не та.

Ответить мне помешал раздавшийся стук в дверь, за которым последовал возникший на пороге Люций. Дорожного плаща на нем уже не было, зато за спиной виднелись легко узнаваемые рукояти сардов – мой учитель решил сразу приступить к своим прямым обязанностям… Что ж, будем надеяться, что местные к моему телохранителю быстро привыкнут – мысль вихрем пронеслась у меня в голове, когда я увидела, как Бьянка вздрогнула и с нескрываемым удивлением уставилась на высшего вампира. Представив их друг другу и объяснив, зачем в академии Люций, я убедилась, что почти за два десятка лет, проведенных в должности оружейника, вампир не утратил хороших манер: Бьянку он поприветствовал учтивейшим поклоном. При этом мечи ему нисколько не помешали, высокомерия не было ни капли, и в столь галантного кавалера влюбиться можно бы за один лишь поклон. Интересно, почему в Дионе Люций всегда держался отстраненно и никогда не пытался очаровать наших дам?.. Да у него

от воздыхательниц отбоя бы не было!

Когда с церемония знакомства завершилась, Люций поинтересовался, когда я намерена приступить к учебе. Я сообщила, что прямо сейчас, но, когда Люций изъявил готовность проводить меня на занятия, добавила, что сначала неплохо бы узнать свое расписание, которое на пути в общежитие посмотреть забыла. Бьянка в это время заметила, что перерыв перед следующим занятием почти закончился, а ей еще надо добраться до факультета прорицателей, и убежала.

К моему глубокому удивлению, мы с Люцием за оставшиеся десять минут успели заскочить в центральный корпус посмотреть расписание, вернуться в общежитие за учебниками и дойти до стихийного факультета, где у нас сейчас должно было состояться занятие магистра Виттории. Уже в крыле стихийников, когда до нужной аудитории осталось около десяти метров, меня вдруг окликнули, и я увидела показавшихся из-за угла моих одногруппников, которых не видела два с половиной месяца. Сразу же убедилась, что никто из студентов боевого факультета не узнал о том, кто я на самом деле, и наша встреча вышла удивительно теплой, даже со светлыми магами. Все они – и непосредственный Олаф, и Сид, искусно работавший с тонкими потоками магии, и белокурая травница Луиза, и длинноносая добродушная Кадма, и Марк со шрамом на щеке, и Жан с Ником, вечно попадавшие в переделки, – нисколько не изменились за лето, только загорели, и казалось, что мы расстались всего

несколько дней назад. Я даже успела ощутить мимолетное чувство ностальгии при мысли о том, насколько проще мне казалась жизнь в прошлом году, когда мы только начинали учиться вместе. Впрочем, первые минуты встречи прошли несколько скованно: внимание студентов сразу же привлек к себе Люций, который держался в нескольких шагах от меня, и его совершенно невозможно было принять за ученика или преподавателя. Сначала и мужская, и женская половины нашей группы посмотрели на него с одинаковым недоумением, а потом парни перевели задумчивые взгляды на меня, в то время как девушки продолжали смотреть на вампира, но уже с нескрываемым интересом.

В аудиторию с нами Люций не пошел, а остался дежурить в коридоре. Виттории еще не было, и мы быстро расселись по своим местам, но едва я достала из сумки учебник, как ко мне с двух сторон сразу подсели Луиза и Кадма. Я удивленно воззрилась на них, не ожидая такой слаженности от девиц, которые всегда избегали общества друг друга, но сейчас напрочь позабыли о взаимной неприязни противоположных магических сторон.

– Эржебета, а кто это был в коридоре? Он тебя охраняет? – глаза у обеих горели от любопытства.

«Ну и ну», – только подумала я, покачав мысленно головой. Хотя чему я, собственно, удивляюсь? На фоне обитателей академии, большинство которых составляют либо студенты примерно нашего возраста, либо магистры возраста

гораздо более почтенного, Люций и впрямь выделялся. Есть еще, конечно, магистр Лэшел, но это скорее исключение, да и своим положением преподавателя, насколько мне было известно, он не злоупотреблял и связей со студентками не заводил, а потому появление нового мужчины, не имевшего никакого отношения к академии, да к тому же такого интересного, не могло остаться незамеченным.

– Точно.

– А еще по академии ходят слухи, что ты собираешься замуж за кого-то очень знатного, – продолжила Луиза, поедая меня жадным взглядом, а затем посмотрела на мою левую руку. Но ничего заслуживающего внимания она там не обнаружила – помолвочного кольца не было, а обручальное было надежно скрыто иллюзией невидимости. Впрочем, и будучи видимым, оно вряд ли бы удостоилось интереса: ведь это был простой золотой ободок без каких-либо украшений и даже без бриллиантов. Однако присутствие Люция должно было лучше какого-либо кольца убедить окружающих, что пекущийся о моей безопасности богатый жених в природе все же имеется.

– Это тоже правда, – согласилась я. – А откуда пошли слухи?

– Вортон что-то такое упоминал на общем собрании, когда сказал, что ты приедешь на учебу с опозданием, – сообщила Кадма. – За кого ты хоть замуж собираешься? За графа? Или выше?

Я неопределенно пожала плечами. Луиза продолжала выжидательно смотреть на меня и сдаваться не собиралась, и Кадма первая поняла все правильно.

– Не хочешь говорить, – вздохнула она. Еще в прошлом году одногруппницы не раз имели возможность убедиться, что я неразговорчива, и если решила о чем-то умолчать, то из меня ничего уже не вытянуть, и Кадма сейчас явно об этом вспомнила. – Ну ладно. А зачем тебе учеба? Если у тебя появятся титул и семья, на кой демон тебе продолжать учиться?

Вопрос, конечно, был неоднозначный. Нет, мне-то самой понятно, почему я захотела сюда вернуться, и дело здесь не только в том, что мне надоело дворцовое безделье: во-первых, я не любила бросать начатые дела на полпути, и, во-вторых, после свадьбы я особенно остро почувствовала необходимость в самоутверждении. Мне все время казалось, что я должна доказать вампирам, что их король женился на мне не только «из-за красивых глаз». Так почему бы не продолжить начатое и не стать боевым архимагом? Не знаю, наверное, это глупо. Или просто осталась привычка еще из той, прошлой, валенсийской жизни, когда я должна была почти каждый день доказывать окружающим, и в первую очередь собственной семье, что я тоже чего-то стою.

Ну и последний аргумент: я совершенно не представляла, чем для меня обернется эта ссора с Адрианом, да и Лэнгстон тоже вряд ли будет сидеть в подполье вечно. И если обстоя-

тельства будут складываться для меня плачевно, боевая магия может оказаться неплохим козырем в борьбе с бывшим советником Магнуса.

Впрочем, одногруппницам всех этих подробностей знать не полагалось, так что я постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее и провозгласила:

– А это, девушки, мне жених посоветовал! Сказал, что невеста с магическим образованием кажется ему намного предпочтительнее, чем невеста без оного. Так что учитесь, дамы!

Дамы несколько ошарашенно покивали и в глубокой задумчивости возвратились на свои места. Мое заявление прозвучало, мягко говоря, неубедительно, поскольку было совершенно непонятно, зачем невесте какого-нибудь дворянина нужна боевая магия, но Кадма и Луиза уже ушли в глубокую задумчивость, размышляя, где бы им по окончании академии поискать родовитых женихов, и не стали вдумываться в мои слова.

Да и на самом деле, насколько я могу судить, мужчинам редко нравятся умные женщины, и гораздо большего их внимания удостаиваются те, кто красивее. Подобная установка всегда меня очень расстраивала, ибо себя я была склонна относить к разряду женщин больше умных, чем красивых. Однако, что интересно, я никогда не могла окончательно решить, что же лучше – ум или красота. С одной стороны, сознавать себя умной намного лучше, чем глупой, по крайней

мере, для собственной самооценки. С другой – взять хотя бы мою сестру Надю. Красавица? Да. Особым умом не отличается? Нет. И что, ей из-за этого хоть сколько-нибудь плохо? Да ничуть!

Вот Адриану каким-то образом всегда удавалось дать мне почувствовать себя и красивой, и умной. Да и Оттилию никто никогда не назвал бы дурой, а Кейн все равно ее полюбил. А Адриан еще…

Хватит, одернула я себя. Хватит! Адриан остался в Бэллиморе, и тебе нельзя сейчас думать о том, как все было раньше.

Ну да, он-то в Бэллиморе, и леди Мальдано сейчас там же. Кстати, чем же она его привлекла – умом или красотой? Внешне она была вполне привлекательной, а вот о ее умственных способностях я после одной-единственой встречи ничего сказать не могла. Вот Евгения Шеффер, в компании которой я ее тогда видела, вряд ли блещет особенным умом – она скорее хитра и изворотлива. А эта Элис… Демон ее знает.

– Я пропустила что-нибудь серьезное за эту неделю? – обратилась я к остальным, чтобы поскорее прогнать из головы образ кудрявой вампирши. Да и стоило узнать, сколько мне всего придется наверстывать.

– Ничего особенного, – отозвался Сид. – Пока только теорию почти от всех магистров. На травоведении мы вспоминали забытое за каникулы, а некромантия еще даже не нача-

лась.

– Кстати, интересно, кого нам все-таки пришлют, – задумчиво протянул Олаф, лениво наблюдая за отражавшимся на стене солнечным лучом. Окно было приоткрыто, створка покачивалась взад-вперед, и солнечное пятно вместе с ней. – Я вообще думал, что нам оставят Моргана, но он у второго курса не ведет.

Кадма отвлеклась от своих мыслей и напомнила:

– Ты же слышал Вортона – это будет магистр Леннокс из темного Совета магов.

– Мне это имя ни о чем не говорит.

– Я о нем слышал, – вдруг сказал Жан, и Олаф отвлекся от пятна. – Лет двести назад он закончил факультет некромантии, но не в нашей академии, а где-то еще. Морган, помнится, как-то его упоминал, но я уже не помню, в связи с чем. В свое время он являлся весьма известной фигурой – кажется, сделал какие-то важные открытия, – был деканом факультета, но архимагом он так и не стал из-за недостаточно большого магического потенциала. Он много лет прожил отшельником в какой-то тьмутаракани – занимался все той же некромантией. И раз именно его сделали нашим преподавателем, видать, с некромантами у темного Совета и впрямь туго – назначили на эту должность человека, который сто лет и людей-то небось близко не видел! Он же наверняка спятил там давно, общаясь с одними трупами!

Олаф озабоченно переглянулся с Марком: перспектива

обучаться у сумасшедшего ни одного из них не прельстила. Луиза, которая была светлой, и, соответственно, некромантия ей не грозила, продолжала равнодушно смотреть в окно, подперев рукой голову. Сид же рассудительно заметил:

– Зато в некромантии он уж точно должен разбираться.

– Ага, и сильно нам это поможет, если весь его педагогический опыт остался в далеком прошлом? – проворчал недовольно Марк, но развиться дискуссии не дала слегка запыхавшаяся Виттория, торопливым шагом влетевшая в аудиторию. Зеленый балахон развевался за ее спиной, а сама магистр торопливо поправила растрепавшиеся волосы.

– Прошу прощения за опоздание, – она сформировала в воздухе какое-то плетение, и на доске начало само собой появляться название новой темы. – Кто-нибудь знает, кто это там стоит в коридоре? Да еще с оружием?..

Тут она заметила меня и махнула рукой, как бы снимая вопрос.

– А, студентка Батори… Все понятно. – Голос звучал прохладно, и я мысленно подготовилась к язвительным нападкам, но вместо этого Виттория отвернулась. – Записываем новую тему: «Соединение стихий». Она очень сложная, так что ей мы посвятим не меньше трех недель… Речь пойдет о том, как в одном плетении соединять одновременно две и более стихии. Самое распространенное здесь явление – это лед, который получается при воздействии на воду холодной окружающей среды и, в частности, воздуха. Однако если мы

соединим…

Она продолжала говорить, мы записывали ее объяснения, и занятие потекло в привычном ключе.

Мои подозрения подтвердились. Судя по всему, уже всем магистрам стало известно, кто я, и не только Лэшел не был готов закрыть глаза на то, что в академии учится Этари. Только вот Виттория, похоже, решила не заострять внимание на моем появлении или делать какие-нибудь провоцирующие намеки, а просто вести себя так, словно меня здесь нет. Тем лучше для меня – игнорирование намного лучше показной неприязни и нападок. Остальные студенты, даже если это и заметят, вряд ли смогут сделать правильные выводы. И если мне очень повезет, все прочие преподаватели, ненавидящие Этари и недолюбливающие вампиров, поведут себя в том же духе. Настороженное отношение магистров – не такая большая цена за то, что такому количеству окружающих открылось, кто я на самом деле… Теперь, не приведи Локи, если кто-нибудь узнает, как обстоят дела на самом деле и насколько непрочным стало мое положение, мне и в самом деле может не поздоровиться.

Глава 5

Оставшиеся несколько дней моей первой учебной недели протекли однообразно и спокойно. Утро начиналось тренировкой с Люцием, которая заканчивались еще до общего подъема, и потому никто из студентов о них ничего не знал. Магистры же, вероятнее всего, были осведомлены – по крайней мере, Вортон точно, – но никаких запретов не последовало, и высший вампир совершенно безнаказанно гонял меня по всему внутреннему двору боевого факультета в течение полутора часов каждый день. За завтраком следовали занятия с перерывом в середине дня на обед, а вечером мы с Бьянкой занимались либо в нашей комнате, либо, если погода была хорошей, выбирались на улицу. Преподаватели меня заметно сторонились, Лэшел почти открыто демонстрировал свою неприязнь, и один только Вортон вел себя точно так же, как раньше. В моих отношениях со студентами ничего не изменилось: ни вражды, ни особой дружбы у меня ни с кем не было, и единственным близким мне человеком оставалась Бьянка. Мое постоянное появление с Люцием первые дни вызывало перешептывания за спиной и осторожные расспросы, а также пару вызывающих замечаний со стороны каких-то светлых студентов третьего года обучения с прорицательского факультета, но, к счастью, ни к каким серьезным последствиям это не привело. Еще несколько целителей

– я узнала в них однокурсников Кейна – как-то раз подошли с вопросом, что случилось с их бывшим одногруппником. Услышав, что Кейн стал вампиром, вся компания неприязненно скривилась и ушла. А потом учеба полностью вернулась в привычное русло, молодые маги наконец-то сообразили, что каникулы кончились, а магистры намерены требовать с них по полной программе, и интерес к моей особе заметно угас. Ну, ходит какая-то темная студентка с телохранителем, ну и что? Ладно бы вела себя как-то кичливо, рассказывала всем и каждому о своем женихе или задирала окружающих, пользуясь своим привилегированным положением… А то ходит молча, ведет себя так же, как в прошлом году, общается с одной только светлой прорицательницей, своей соседкой по комнате! Даже ее странного друга-целителя, с которым у нее была какая-то странная платоническая дружба, и того нет! Сплетничать не о чем!

От Адриана не было никаких вестей. Ну, сама бы я с ним связаться не смогла: покидая Бэллимор, я совершенно не подумала о каких-либо средствах связи и не взяла с собой разговорных амулетов. Но ведь сам архивампир, если бы сменил гнев на милость, мог бы открыть портал в академию! Но этого все никак не происходило, хотя я продолжала ждать.

Первого занятия по некромантии мы все ожидали с некоторой опаской, ибо после рассказа Сида мысль о том, что нам придется учиться у помешанного мага, напугала всех. К нужной аудитории мы пришли с небольшим запасом време-

ни, поскольку не знали, как новый преподаватель относится к опозданиям, и зашли внутрь. Точнее, попытались зайти, поскольку Марк и Жан, вошедшие первыми, внезапно застыли прямо в дверях, и на пороге образовался небольшой затор. Первым, что бросилось в помещении мне в глаза, был стол у дальней стены, накрытый широким отрезом темной ткани, и, судя по очертаниям, под ней лежал человек, судя по отсутствию ауры – мертвый. Кадма отчетливо икнула, а Олаф пробормотал:

– Твою мать…

Больше никто ничего не добавил, и в напряженной тишине мы принялись рассаживаться по местам, причем на этот раз никто не сел в конце аудитории, желая оказаться подальше от преподавателя – перспектива соседствовать с трупом показалась одногруппникам еще менее предпочтительной. То, что на столе лежал именно труп, у меня сомнений не вызывало: вокруг тела на столе находились четыре активированных амулета, создававших над накрытым тканью силуэтом магическое поле, и в структуре плетений можно было распознать охлаждающее заклинание, препятствовавшее разложению, которое нам показывала на занятии Виттория всего несколько дней назад.

– Что ж, по крайней мере, это настоящая некромантия, – философски отозвался Сид, явно стараясь не коситься в сторону мертвеца каждые три секунды.

– А что, в-вы д-думаете, т-труп настоящий? – заикаясь,

спросила Кадма. В отличие от Сида она не сводила со стола испуганных блестящих глаз.

Я как-то совсем забыла, что из-за моей жизни, насыщенной в последние годы увлекательными событиями и встречами, вид мертвецов не вызывает во мне уже почти никаких чувств и уж тем более – суеверного страха. А среди нас были как ребята из благополучных семей, так и те, кому довелось попутешествовать и столкнуться с неприятной стороной жизни. Например, Марк смотрит совершенно спокойно, Жан нас, по-моему, вообще не слушает, да и Сид не кажется слишком взволнованным. А Луизы и Ника здесь вообще нет – вместо некромантии они ходят на целительство.

– Может, снимешь тряпку и проверишь? – ехидно предложил ей Олаф. М-да, от него только такого предложения и стоило ожидать.

– Раз такой смелый, снимай сам! – прошипела раздраженно Кадма.

Олаф задумчиво посмотрел на стол, а затем неожиданно поднялся и неторопливо направился в конец аудитории. Остальные одногруппники отвлеклись от своих дел и теперь наблюдали за ним с интересом, однако отговорить никто и не пытался. Олаф же, подойдя к телу, помедлил, обвел нас вопросительным взглядом – все по-прежнему молчали, и даже Кадма не спешила с заявлением, что она только пошутила, – а затем решительно дотронулся до черного куска ткани. Когда его рука прошла сквозь магическую сеть, я на миг замер-

ла, подсознательно ожидая дальнейших событий – или рука застрянет, или сработает что-то вроде охранного заклятия, – но ничего такого не произошло, и Олаф откинул тряпку с головы трупа, но сам встал, загородив нам весь обзор, и видеть, что скрывалось под тканью, мы не могли. Затем он, видимо, решил, что оставлять все как есть будет не слишком правильно, и вернул покрывало на место с невозмутимым видом, словно не увидел там ничего особенного, и уже хотел вернуться на место, но внезапно в аудитории раздался новый голос, который насмешливо произнес:

– Ну что же вы, молодой человек. – Олаф подлетел на месте, наступил на полу длинного фиолетового балахона и едва не свалился на пол, а мы все стремительно обернулись к дверям. На пороге стоял незнакомый нам пожилой магистр в черном балахоне и с посохом в руке, и в том, кто это был, сомнений не возникло ни у кого. – Раз уж взялись демонстрировать свое бесстрашие, так и демонстрировали бы до конца.

– Извините, – сконфуженно буркнул однокурсник.

Некромант благосклонно кивнул, и Олаф вернулся на свое место, а сам магистр направился к преподавательскому столу. Шел он, опираясь на посох, и при этом заметно прихрамывал. У стола он попал в луч света, и у нас появилась возможность получше рассмотреть его. Немолод, волосы и борода были уже совсем седые, лицо в морщинах, но все же не так стар, как магистр Элридж, читавший нам в прошлом году лекции по истории магии. Высокий, заметно вы-

ше меня, худощавый, и создавалось впечатление, что посох был необходим ему в качестве поддержки не из-за старческой немощи, а скорее, из-за какой-то травмы. Остановившись у стола, он обвел нас всех внимательным взглядом, и я окончательно утвердилась во мнении, что до старческого слабоумия магистру было далеко – взгляд внезапно оказался цепким, изучающим и, казалось, не упускающим ни одной мелочи. Мне показалось, что на мне он задержался чуть-чуть дольше, чем на остальных, и в голове мелькнула недовольная мысль – ну вот, уже и нового преподавателя поставили в известность, кто я…

– Я магистр Леннокс, – представился он, закончив осмотр. – Временно исполняю обязанности декана факультета некромантии и в этом году веду у вашего курса занятия. Поскольку прибыл накануне, не успел ознакомиться с записями вашего предыдущего преподавателя, так что спрошу вас – чем вы занимались в прошлом году?

– Проклятиями, – сообщил Жан со своего места. Леннокс помолчал, словно ожидал продолжения, не дождался и недоверчиво уточнил:

– Что, и все?

Мы вразнобой покивали. На лице некроманта отразилось такое искреннее насмешливое недоумение, будто он услышал какую-то настоящую бессмыслицу, что Сид поспешил добавить:

– Мы прошли почти все разновидности проклятий вплоть

до шестого уровня, а также в конце года говорили о теории поднятия мертвых. Мы выучили схемы, используемые для поднятия мертвых, а еще символы защиты, применяемые при этих ритуалах… – Помнится, в прошлом году Танатос как-то сказал Сиду, что из него получился бы хороший боевой некромант, и с тех пор молодой человек свое основное внимание уделял именно этому предмету.

– Вздор, – рассеянно перебил его Леннокс, обрывая Сида на полуслове. Тот обиженно замолк, мы с удивлением посмотрели на некроманта, а тот вскользь заметил: – Схем и пентаграмм, используемых для поднятия умертвий, больше сотни, а защитных символов и того больше, и просто заучивать их наизусть – глупость. Зачем заучивать, когда можно просто уяснить принцип и вывести любую формулу или схему самостоятельно?.. И все эти занятия теорией – тоже ерунда. На кой демон вам теория, если вы не собираетесь писать научные трактаты по некромантии? – Тут он как будто очнулся от своих мыслей и поглядел на нас с подозрением. – Или вы собираетесь?..

Несколько человек отрицательно покачали головами, а Сид осторожно спросил:

– Простите, магистр, но как же схем может быть несколько сотен, если даже в некромантских учебниках написано, что их всего около пятидесяти?

Олаф иронично приподнял бровь – ему самому и в голову не приходило, что можно еще почитать учебники других

факультетов, а Леннокс лишь пожал плечами.

– Мало ли что пишут в учебниках. Поверьте тому, кто посвятил некромантии всю жизнь: их огромное количество. Ладно, переходим непосредственно к занятию. – Прихрамывая и стуча посохом, он направился к столу с трупом и свободной рукой откинул полотно. Кадма рядом со мной ощутимо вздрогнула, но ничего особенного под тканью не обнаружилось – просто мертвый мужчина средних лет. Время смерти установить трудно: следов разложения пока не видно, но, с другой стороны, охлаждающие чары могли заметно затормозить этот процесс. Судя по прорехе на одежде и расплывшемуся вокруг кровавому пятну, погиб он от удара ножом в сердце.

– К сожалению, так сильно с телом нам повезло всего один раз, – посетовал некромант, деловито откладывая черную тряпку в сторону и критически оглядывая «рабочий материал». – Городские власти наотрез отказываются предоставлять приличные трупы для некромантских факультетов – мол, это неэтично, родственники против, их надо прилично похоронить… Вот и приходится довольствоваться тем, что есть: бродягами, преступниками…

– Не хотел бы я, чтобы из меня после смерти сделали зомби, – чуть слышно пробормотал Жан, но Леннокс его внезапно услышал. Однако не рассердился, а равнодушно пожал плечами.

– Сомневаюсь, что этот вопрос будет вас беспокоить. Ко-

нечно, при условии, что вас действительно забрала Хель, а вы не остались на этой земле каким-нибудь неупокоенным привидением… Так, поднимайтесь все из-за столов и идите сюда. По программе первое занятие должно быть целиком теоретическим, но я считаю, что вам будет лучше сразу все увидеть своими глазами.

Мы послушно встали и нестройной гурьбой приблизились. Судя по взглядам, которыми обменивались одногруппники, в глубине души они были гораздо больше согласны с городскими властями, чем с Ленноксом, и, собравшись полукругом у стола, почти все попытались встать подальше, так что в первых рядах остались только мы с Сидом. Некромант вроде бы ничего не заметил.

– Умертвия делятся на две большие группы: помощники и воины, и уже эти группы подразделяются на множество подклассов. Зомби-воины, на мой взгляд, гораздо интереснее, да и вам, боевым магам, они должны быть ближе по духу, но начать все же следовало бы с зомби-помощников. Кто-нибудь может сказать, в чем главное преимущество и главный недостаток слуги-зомби перед слугой-человеком?

Никто не удивился, когда поднял руку Сид.

– Слуга-зомби не устает, но зато выполняет механически только те команды, которые дал ему хозяин. Своего разума у него нет.

– Очень хорошо, – согласно наклонил голову Леннокс. – Раз вы в прошлом году начали учить схемы, то должны

помнить, какие символы используются при поднятии самого обычного зомби. Молодой человек! – обратился он к Олафу. Жан и Марк, стоявшие рядом, синхронно сделали шаг назад, оставляя одногруппника на линии огня одного. – Раз уж вы начали сегодняшнее знакомство с трупом, вам его и продолжать. Что нам понадобится для поднятия обычного зомби?

– Ну… – тот на секунду задумался, а потом неуверенно начал перечислять: – Стандартная пентаграмма, чтобы оживить тело… Плетение подчинения… Плетение, чтобы остановить разложение тела… Само заклинание для поднятия… Все?..

Пока он говорил, Леннокс одобрительно кивал, и после каждого предложения Олафа в воздухе возникали схемы, которые он называл. Когда маг замолк, некромант еще несколько секунд помолчал, как бы ожидая продолжения, да и по лицу Сида было понятно, что Олаф назвал неполный список. Но на этом Олаф выдохся, и Леннокс жестом предложил ему выйти вперед, а затем вдруг протянул невесть откуда взявшийся у него в руке кусок мела.

– Приступайте.

На лице Олафа появилось решительное выражение, он наклонился и принялся на полу вокруг стола с трупом чертить нужные знаки – благо Леннокс их не убрал, и они так и висели, светясь, в воздухе. Сид все порывался что-то сказать, но Леннокс жестом велел ему молчать. Дорисовав, Олаф отряхнул выпачканные белым пальцы, распрямился и огля-

дел свое творение. Некоторые символы вышли кривоватыми, но серьезных ошибок я не заметила. Олаф пришел к тому же выводу и начал читать заклинание – поскольку он часто запинался, оно у него вышло просто набором бессмысленных слов. Тем не менее оно сработало, ибо магический всплеск в воздухе все же ощутился, а секунду спустя труп, до этого момента мирно лежавший на столе, вдруг дернул рукой. Кадма охнула и шарахнулась назад, но больше никто не сдвинулся с места, а труп в довершение картины открыл глаза – совершенно бессмысленные и лишенные какого-либо выражения. Олаф, вообще не ожидавший, что у него что-то получится, теперь растерянно рассматривал творение своих рук. На лице Сида все больше проступало беспокойство. Леннокс прислонился к стоявшему за его спиной столу и ничего не говорил, а у меня вдруг возникло ощущение, что он чего-то ждет…

Мелькнувшая мысль потонула в пронзительном визге Кадмы и криках остальных: в тот момент, пока я отвлеклась на магистра, оживший мертвец стремительно сел и сомкнул бледные с синюшными пятнами пальцы на горле Олафа. Тот инстинктивно схватился за них в попытке разжать, но хватка у зомби оказалась стальная. Марк и Жан, стоявшие ближе всех, позабыли о брезгливости и почти одновременно повисли на руках трупа, но на того это не оказало никакого впечатления, и он спокойно продолжал душить боевика, не обращая внимания на дополнительный груз. Лицо Олафа побаг-

ровело, он захрипел, Кадма продолжала визжать, но сквозь ее вопли в аудитории можно было разобрать отдельные предложения.

– Тяни сильнее!

– Не могу!.. Демон, как он может… быть настолько…

– …Мать, мать, мать!

– Эржебета, ты что стоишь?!

– Помогите!!!

– Жан, Марк, отойдите, чтобы я вас не задел!

– Сид, подожди, здесь нужно заклинание подчинения, а не боевая магия!

Последнее крикнула уже я, но было поздно. Мелькнула яркая вспышка, когда Сид метнул какое-то плетение, потом раздался хлопок, и Жана, не успевшего убраться с дороги, просто отшвырнуло в сторону, а мертвец даже ничего не заметил. Не думая, что делаю, и даже не вспомнив плетения, которые мы изучали на занятиях некромантией, я сформировала плетение, использованное когда-то в одном из моих снов Арлионом, и швырнула его в зомби. Магическая структура «впиталась» сразу же, и я приказала первое, что пришло мне на ум:

– Отпусти его!

Руки мужчины послушно разжались и с тихим стуком упали на столешницу, полузадушенный Олаф бесформенной кучей опустился на пол. Кадма наконец-то замолчала, Марк с отвращением отпустил руку умертвия и шагнул на-

зад. Я вышла вперед, наклонилась к бесчувственному Олафу и начала плести целительские заклинания. В аудитории воцарилась относительная тишина. Зомби сидел и больше не шевелился, и именно в этот момент я вспомнила о магистре. Обернувшись на секунду, изумленно увидела, что тот как ни в чем не бывало сидел на стуле, отставив посох в сторону, и смотрел на нас. Оглядев зомби, который теперь сидел на столе, равнодушно уставившись куда-то вдаль, он удовлетворенно кивнул и совершенно спокойно спросил, словно просто продолжал занятие:

– Какая была главная ошибка, которую допустил студент?

– Не поставил защитное поле, – ответил Сид, покосившись на Олафа, который под воздействием моих плетений пошевелился и открыл мутные глаза. – Но…

– А зачем нужно это защитное поле? – перебил его Леннокс все тем же лекторским тоном.

– Потому что заклинание подчинения действует не сразу, а спустя какое-то время. Если не принять мер, зомби нападет на того, кто находится ближе всех к нему, и чаще всего это оказывается именно его создатель, – Сид говорил быстро, и в его голосе начало прорываться подавляемое раздражение.

– Верно. Студентка Батори, – тут Леннокс потерял интерес к Сиду и пристально взглянул на меня, его голос стал вкрадчивым, а от его проникающего под кожу взгляда мне стало не по себе, – какое плетение вы использовали, чтобы остановить умертвие? Насколько я помню, его нет в учебной

программе.

Ну не скажешь же ему, что это плетение изобрел самый кровавый архимаг в истории!

– Я не помню точно, магистр. Кажется, в какой-то книге оно мне однажды попадалось, – говоря это, я постаралась сделать как можно более невинный вид и для пущей убедительности похлопала глазами.

– Как называлась эта книга, вы, конечно же, не помните? – насмешливо осведомился Леннокс, и я поняла, что он мне не поверил.

– Не помню.

– Магистр, зачем это вообще было нужно? – резко спросил Сид, не выдержав. – Это же опасно для жизни! А если бы он погиб?..

– У нас бы появился дополнительный материал для обучения, – нисколько не смутившись, заявил Леннокс, взял посох и с трудом поднялся на ноги.

– Но магистр!.. – это уже вмешалась пораженная до глубины души Кадма.

– Во-первых, – холодно произнес Леннокс, даже не взглянув в ее сторону, и подошел ближе, сильно хромая, – теперь и вы все, и ваш однокурсник на всю жизнь запомните важность установки защитного поля. Студент, вы же запомните? – наклонившись к Олафу, заботливо спросил он. Тот ошалело кивнул, явно с трудом понимая, чего от него хотят, и машинально коснулся шеи, на которой вспухли длинные багро-

вые полосы, а некромант разогнулся и продолжил, обращаясь уже к нам: – И, во-вторых, я не понимаю, с каких пор для группы боевых магов стал проблемой один-единственный зомби. Почему из всех вас только двое вспомнили, что вы учитесь на боевом факультете, и догадались применить магию?

На этот вопрос никто из нас внятно ответить на смог. Не знаю, что подумали остальные, а я, в общем-то, была согласна с Ленноксом, что уж с одним умертвием на втором году обучения мы должны были своими силами разобраться…

– Все свободны. Студентка, с вашего позволения, я заберу зомби под свой контроль.

Я только кивнула и почувствовала, как моя власть над умертвием, которая ощущалась как прочная магическая нить, исчезла. Некромант пробормотал какое-то заклинание, сформировал в воздухе магическое плетение, и зомби рухнул обратно на поверхность стола, как марионетка, которой перерезали ниточки – кажется, теперь это был обычный труп. Марк тем временем помог Олафу подняться, и мы поспешили убраться из аудитории, пока Леннокс не придумал еще какое-нибудь испытание.

Глава 6

– Нет, ты видела? Видела?! Он же нас всех переубивает, не успеет и месяца пройти! Что это за методы обучения, после которых студента чуть живого из аудитории на руках выносят?! – возмущалась Кадма по пути в общежитие. Пока мы еще шли по факультету некромантии, она молчала, сдерживаясь и опасаясь, что кто-нибудь может подслушать, но за пределами территории некромантов ее словно прорвало. – Тот зомби мог же убить Олафа!

Я неопределенно пожала плечами, но Кадму неожиданно поддержал Сид:

– Я согласен. Нельзя давать такие задания, не предупредив о последствиях. И тот факт, что Леннокс последние несколько десятков лет провел вдали от людей, его не оправдывает, в этом случае просто нельзя было доверить ему преподавание. А пост декана! Куда только смотрел Кириан?!

Я взглянула на хмурые лица обоих – мы остались втроем, поскольку Олафа Жан и Марк повели на всякий случай на факультет целителей в лазарет. Кстати, отдельного внимания заслуживало выражение лица Люция, когда наша группа из шести человек вывалилась из аудитории в коридор, и вид все имели малость ошалелый. Пару секунд я думала, стоит ли произнести свои мысли вслух, и решила, что ничего плохого не будет:

– Бросьте. Никаких смертельных травм Олаф не получил, а те, что получил, я уже залечила. Его даже в лазарет можно было сейчас не вести, он бы сам…

– А ты сама-то кто, целительница? – раздраженно осведомилась Кадма. Ей совсем не понравилось то, что я не принялась порицать на все лады нового магистра некромантии.

Конечно, откуда ей знать о моих познаниях в этой области? Да, на тех основах целительства, которые нам преподавали, я всегда преуспевала, но это были простейшие лечебные плетения, не требовавшие мастерства и точности исполнения…

Неопределенно пожав плечами, я все же договорила свою мысль до конца:

– В общем, я не вижу в случившемся ничего трагичного. И стоит признать, что Леннокс прав: так мы быстрее что-то запомним.

Сид с явным сомнением пожал плечами, а Кадма недовольно поджала губы.

– Вы как хотите, а я с завтрашнего дня перехожу в группу, где учится Луиза. Буду посещать вместо некромантии углубленное целительство. Там хоть меньше вероятность, что какое-нибудь вырвавшееся из-под контроля умертвие откусит мне голову!

Как у мага, у которого еще нет стороны, Кадма действительно имела на это право. Сид погрузился в раздумья – у него тоже была возможность выбора, однако я знала, что

некромантия – тот предмет, в котором он действительно делал успехи и который действительно любил, и бросать его теперь из-за того, что у нас появился странный преподаватель, ему определенно не хотелось. Поскольку некромантия сегодня шла самой последней, после нее мы отправились на ужин и до столовой дошли в молчании.

На меня некромант произвел неоднозначное впечатление. Нет, я, конечно, на собственном опыте уже уяснила, что обучение чему-то новому лучше всего протекает, когда твоей жизни грозит прямая опасность. Появляется, если можно так выразиться, самый действенный стимул это запомнить и применить на практике. Леннокс прав – Олаф теперь никогда не забудет о важности защитного поля и каждый раз, поднимая зомби, он будет вспоминать холодные стальные пальцы, безжалостно впившиеся в беззащитное горло, и стремительно утекающий спасительный воздух. Но контролировал ли Леннокс ситуацию на самом деле именно так, как стремился потом показать? Нападение зомби маг не планировал, оно произошло спонтанно и было самым настоящим: Олаф действительно почти задохнулся, и мне пришлось использовать заклинания высокой сложности и силы, чтобы привести его в чувство, в то время как некромант и не подумал вмешаться. А что, если в один момент Леннокс не сумеет правильно оценить обстановку, ситуация выйдет из-под контроля и кто-нибудь из студентов просто умрет? Я мало о нем знаю, и вполне возможно, что он и в самом деле очень ода-

ренный некромант, но о чем думали Кириан и темный Совет, когда вернули его в академию?

Интересно, он и в молодости, будучи преподавателем, применял в своей педагогической деятельности подобные методы, или и в самом деле за сто лет отшельничества спятил?

После ужина я распрощалась с Люцием и поднялась в свою комнату. Вечер прошел так же, как большинство моих вечеров в академии: мы с Бьянкой делали домашнее задание, обмениваясь какими-то комментариями, а потом просто занимались каждая своими делами. За окном совсем стемнело, мы зажгли магические светильники, и я уже собралась готовиться ко сну, как вдруг ощутила, как нагрелся карман скинутого мной фиолетового балахона, на котором я сидела на кровати. Достала подаренное Кейном зеркало-артефакт, и мое движение привлекло внимание Бьянки, читающей какую-то книгу за столом. Наш с друзьями способ общаться друг с другом уже был ей знаком.

– Мне выйти? – спокойно спросила она.

– Даже не думай, – покачала я головой и, прикрыв глаза, глубоко вздохнула, настраиваясь на позитивный лад. Все в порядке, это просто разговор с друзьями, а ты сейчас просто учишься в академии, и в твоей жизни сейчас все замечательно!

Бьянка оторвалась от чтения и наблюдала за моими манипуляциями с некоторым удивлением, но ничего не говори-

ла. Я же, сделав максимально приветливое и жизнерадостное лицо, открыла зеркальце и узрела на его поверхности лицо Оттилии.

– Ну что, как Шалевия? – спросила я, когда мы поздоровались. Подруга выглядела отдохнувшей, довольной, и даже ее вампирская бледность казалась сейчас не болезненной, а совершенно обычной. Осознав это, я улыбнулась уже искренне. Хорошо, что хоть у них с Кейном все в порядке. – Вы уже доехали?

– Да, вчера, – она неожиданно фыркнула и тряхнула короткими черными волосами. – Разумеется, письмо Кейна с сообщением, что мы приедем, потерялось на полпути, и нас в имении никто не ждал! Но это ладно, поскольку сейчас здесь никого нет, родственники еще не съехались, и меня это вполне устраивает! Зато выяснилось, что в имении из родных Кейна живет только его двоюродная тетка. Она нас вчера и встретила. Кейн рассказывал о ней, и я представляла ее себе старой, глухой и уже давно не в своем уме.

– И что? – заинтересованно спросила я, догадавшись по тону подруги, что она обманулась в своих ожиданиях.

– А то, что ей всего лет шестьдесят, она в здравом уме, обладает хваткой хищного зверя и все годы, что Кейн отсутствовал, вела дела в имении. А самое главное, у нее есть дочь – троюродная сестра Кейна, которую она, кажется, всерьез намеревалась выдать замуж за барона де Энниндейла! Ее, бедную, аж всю перекосило, когда Кейн представил ей меня!

А девица ничего особенного собой не представляет. Прыщавая, тихая, все время с книжкой или нотами ходит. Унылое зрелище.

Ну, было бы странно, если свою потенциальную соперницу Оттилия охарактеризовала как-то по-другому. Бьянка, похоже, размышляла в том же направлении, так как с ее стороны до меня донесся тихий, но отчетливый смешок.

– И тебе привет, Бьянка, – нисколько не смутившись, поздоровалась Оттилия, услышав ее реакцию.

– А им уже известно, что Кейн стал вампиром? – осторожно спросила я.

– Конечно. Родственники, естественно, растерялись и даже слегка испугались. – Подруга в первый миг ехидно улыбнулась, продемострировав клыки, а затем ее лицо вдруг приняло задумчивое выражение. – Только, знаешь, у меня странное чувство, что тетке Кейна наплевать на то, кем является нынешний барон – человеком, вампиром или вообще гномом, и от идеи выдать за него дочурку она не отказалась. Интересно, что она теперь предпримет?.. Может, попытается меня отравить во время чаепития? Или утопит в фонтане?

Оттилия еще пару секунд что-то прикидывала в уме, а потом посмотрела на меня и решительно переменила тему.

– А ты, я слышала, уже в академии?

Я согласилась, обратив внимание на слова «я слышала». Кто-то из родственников уже сообщил вампирше, что королева стремительно покинула столицу?

– Ну, и как академия? – не отставала Оттилия. – Все в порядке?

Я подтвердила, что в порядке. Бьянка снова бросила на меня вопросительный взгляд из-за стола, а вампирша сердито выдохнула.

– Ладно, спрошу прямо, – она заметно помрачнела, и ее лицо приняло озабоченное выражение. – Что произошло в Бэллиморе?

Хорошее расположение духа, в которое я пришла сразу после рассказа вампирши о Шалевии, растворилось без следа, уступив место подавленности и чувству тревоги. Кажется, это отразилось и на моем лице, потому что взгляд Оттилии стал очень уж встревоженным, а со стороны Бьянки больше не доносилось ни звука – как пить дать навострила уши, чтобы ничего не упустить, хотя винить ее за это было бы сложно.

– Ничего. Мы немного поругались, и мне пришлось уехать раньше запланированного времени, – уточнять, какие именно «мы», не было нужды. Лицо Оттилии приняло то же выражение, которое было у Люция, когда он ожидал разъяснений, но вдаваться в подробности я по-прежнему не собиралась. – Оттилия, а тебе откуда известно, что я уже не в Вереантере?

– Отец рассказал, – нахмурившись, ответила она. – Связался сегодня со мной и спросил, не знаю ли я, что случилось. Говорит, что тебя внезапно выслали прочь из Вереан-

тера, а к Адриану в последние дни лучше вообще не подходить. Да еще у них эти, как их там, совсем распоясались… «поборники истины», что ли?

– «Восстановители справедливости», – поправила я, помрачнев. М-да, со всеми этими переживаниями я совсем позабыла о беспорядках, которые они учинили в Вереантере. – А что с ними? Герцог не сказал?

– Говорит, что Фермана совсем выбилась из-под контроля. – Судя по тому, что показывало зеркало, Оттилия пересела за стол, поставила артефакт перед собой и озабоченно потерла переносицу. – Нового наместника на днях убили. В нескольких городах были погромы. Народ волнуется, налоги из области в казну не поступают. А тут еще эти шуты в масках, любители справедливости, возникают то в одном городе, то в другом, и сеют смуту. Адриан, Дориан и Виктор сейчас из Ферманы почти не выезжают.

– Чего они хоть требуют? – спросила я. Услышанное мне совсем не нравилось, и дело было не в самом факте восстания. – Чего хотят?

Прежде чем ответить, Оттилия на секунду отвела взгляд, и я все поняла еще до того, как она начала говорить. Ощущение чего-то неправильного усилилось, и я сосредоточилась, пытаясь поймать эту мысль. Итак, что в происходящем такого, что это нельзя просто списать на обычное недовольство населения действиями власти?..

– Им не нравится, что король женился на тебе, – наконец

нехотя сообщила вампирша. Кажется, она ожидала от меня какой-то эмоциональной вспышки – возмущения или обиды, но вместо этого я поставила зеркало на стол, водрузила на столешницу локти и, сцепив руки в замок, пристроила на них подбородок. Примерно полминуты царила тишина, а затем, оценив мой задумчивый вид, Оттилия удивленно уточнила: – Тебя это не беспокоит?

– Беспокоит. – Говорить с прижатым к пальцам подбородком было неудобно, и я неохотно убрала руки, хотя эта поза мыслителя мне очень нравилась. – Но по другой причине. В этом мятеже есть два странных момента, которые я увидела только сейчас, и объяснить я могу только один из них. Второй мне непонятен, и именно это меня тревожит.

– И какие же? – осторожно уточнила Бьянка, про которую я уже как-то успела забыть.

– Первое – форма, в которой проходит бунт, слишком… серьезная. Меня не любят в Вереантере, это верно, и я допускаю, что среди вампиров могут ходить волнения из-за моей персоны, но восстание в Фермане – с убийством наместников, погромами и отсутствием каких-либо требований и видимых причин – слишком странно. Подобные мятежи устраивают, когда в области что-то неблагополучно: налоги слишком высокие или голод, или слишком тяжелые условия жизни – что угодно. А то, что король женился на ком-то неподходящем, не настолько вопиющее событие.

– Но ведь многие вампиры тебя по-настоящему ненави-

дят, – осторожно напомнила Оттилия.

– Тоже правда, – согласилась я. – Но в этом случае было бы гораздо логичнее, если бы бунтовать начала какая-нибудь провинция, расположенная ближе к границе с Селендрией, ведь именно те земли пострадали в Кровавой войне больше всего. А Фермана находится где-то на востоке, правильно? Ей до Селендрии – как отсюда до государства гномов пешком, и война с эльфами вряд ли сильно ее потрепала. Тогда почему бунт именно там?

Помолчав, вампирша спросила:

– И почему?

– Не знаю. Нам известно, что разжигают его эти таинственные «восстановители справедливости», но поскольку видимых причин для бунта нет и наша с Адрианом свадьба – только повод, остается предположить, что это бунт ради самого бунта. Кто-то за ним стоит, кому-то нужно, чтобы в провинции творилось демон знает что. Кто он и зачем ему это нужно – разговор отдельный.

– Это и есть то, что тебе здесь непонятно? – уточнила Бьянка.

Я отрицательно покачала головой и нахмурилась.

– Нет. Мне не нравится, что мятеж в самом деле начался спустя две недели после моей свадьбы. Столько лет в Вереантере все было относительно спокойно, а тут – здрасте! Это может быть и никак не связано со мной, но мне все же кажется странным такое совпадение. И если этих «восстанови-

телей» и впрямь так раздражает именно моя фигура, то чего они надеются достичь?

– И чего?

– Не знаю.

На ум мне снова пришел Лэнгстон – единственное объяснение, которое я могла себе вообразить, но происходящее было сложно списать даже на бывшего советника Магнуса. Его цель – избавиться от меня, но как этого можно достичь мятежом? Рассчитывать, что Адриан пойдет на поводу у заговорщиков и избавится от супруги? Этого не произойдет точно, даже принимая во внимание нашу ссору. Адриан никогда не примет условия бунтарей, ему этого не позволят гордость, престиж монархии и так далее. Или Лэнгстон ожидает, что меня убьет кто-нибудь из тех вампиров, которые ненавидят Этари? Тоже весьма ненадежный способ, ведь тут не предугадаешь, повезет моему потенциальному убийце или нет.

Весьма кстати вспомнилось анонимное письмо, которое и разрушило мое семейное счастье, оказавшееся столь недолгим. Какой недоброжелатель прислал его? Может ли это письмо быть как-то связано с этими «блюстителями правды», или как их там? И опять-таки – на что был расчет? Вот я оказалась в академии, далеко от Вереантера. Здесь я в сравнительной безопасности, если, конечно, новый сумасшедший преподаватель некромантии меня ненароком на своих занятиях не угробит.

Пришедшая в голову мысль поразила меня так сильно, что я вскочила и в волнении прошлась по комнате. А ведь и в самом деле – не на это ли надеялся мой таинственный недоброжелатель? Может ли Леннокс служить ему? Этот магистр, по слухам, жил отшельником сто лет, его годами никто не видел – так что мешало ему сойтись с тем, кто хочет меня убить? Конечно, это слегка странно – два декана факультета некромантии, один за другим, пытаются меня убить. Совпадение? Но, с другой стороны, и Лэнгстон хочет убить вторую королеву Вереантера, прав был Арлион…

Удивленные вопросы девушек вынудили меня вернуться в реальный мир, и, подняв голову, я обнаружила, что на меня смотрят две пары глаз – карие и синие – с совершенно одинаковым выражением недоумения. Это внезапное сходство в первый миг меня позабавило, а затем я вкратце рассказала о новом главе факультета некромантии и о его методах обучения. Бьянка предсказуемо ужаснулась, Оттилия длинно, совсем не по-женски, присвистнула, но и вампирша, и прорицательница согласились со мной, что не может быть, чтобы мне так сильно не везло и второй подряд некромант оказался засланным шпионом.

– Так, а что все-таки с Адрианом? – осторожно спросила Оттилия, когда мы пришли к выводу, что мне необходимо везде ходить в сопровождении Люция, с Ленноксом лучше держаться настороже, но однозначно записывать его в разряд врагов было пока рано.

Я только неопределенно пожала плечами.

– Поссорились. Я сделала нечто, что пришлось ему не по нраву, и признаю, что я виновата. Но там есть кое-что еще, очень важное, но я не могу об этом говорить, потому что это покажется слишком неправдоподобным.

Оттилия с самым серьезным видом выслушала эту ахинею и непринужденно заметила:

– Вот ты сейчас прекрасно все разъяснила.

Раздраженно выдохнув, я сердито посмотрела на нее в зеркале, но мое недовольство не возымело никакого эффекта.

– Оттилия, я не могу сказать! Я должна уладить все сама! Мне жаль, что твои родные попали Адриану под горячую руку, но происходящее касается только нас с ним! Даже, – тут я внезапно подумала об Исабеле и нехотя добавила: – Больше только его. Это не та правда, которую легко принять!

– Ну ладно, – после продолжительного молчания Оттилия вздохнула. – Все равно же не скажешь, я тебя знаю. Хотя это странно. Корделия, мы же столько всего о тебе знаем! Неужели есть что-то, чего мы бы не поняли?

– Ну, он же не понял, – негромко сказала я, и в голосе против воли прорезались безнадежные нотки, а взгляд Оттилии стал слишком сострадательным. – Хотя ему известно, что я его люблю и не стала бы действовать против него! Так что прости меня. И не думай об этом. Вам с Кейном сейчас лучше наслаждаться жизнью, а не беспокоиться из-за меня.

– Мы попробуем, – буркнула вампирша. – Но ты все же будь внимательнее. Мне не нравится происходящее.

Пару секунд я еще раздумывала, не попросить ли подругу аккуратненько расспросить отца, что там поделывает в Вереантере Лэнгстон, чем занимается и с кем общается, но потом отказалась от этой мысли. Мой интерес к бывшему советнику точно не останется незамеченным, и в сложившихся обстоятельствах это вряд ли пойдет мне на пользу. А если Адриан узнает? Решит, что я продолжаю строить козни против высшего вампира, в частности, и Вереантера вообще…

После этого мы попрощались, хотя Оттилия по-прежнему выглядела расстроенной. Убрав зеркальце, я улеглась на кровать поверх одеяла и прикрыла глаза. Разговор с подругой помог мне не только разложить по полочкам происходящее, но и понять, что я снова оказалась втянута в какую-то странную интригу, и было не совсем ясно, сколько в ней всего участников и насколько прямое я имею к ней отношение. И получается, что я должна сама во всем разобраться, разоблачить врагов – известных и неизвестных – и восстановить свое доброе имя. А дальше посмотрим, чем все обернется.

Глава 7

На следующее занятие по некромантии, которое в расписании стояло тремя днями позже, мы шли без особого энтузиазма и с заметной опаской. Наша группа уменьшилась: Кадма не передумала и ушла на целительство, но остальные, прикинув, сколько в этом случае придется доучивать у целителей, чтобы нагнать программу, решили повременить и посмотреть, как пойдет некромантия дальше. У некоторых же, включая меня, просто не было другого выхода – темная сторона независимо от наших желаний определяла, чем мы будем заниматься. Впрочем, исцелять я и так умела неплохо, и потому даже методы Леннокса не смогли бы меня запугать, если бы не смутное подозрение, что он может быть шпионом Лэнгстона или кого-нибудь еще…

Эти подозрения укрепились и переросли почти в уверенность после очередного «вещего» сна, который я видела накануне. На этот раз мне удалось вырваться из него довольно быстро, без наблюдения за мучениями моих бабушки и дяди, но сомнений, что это был именно тот сон, после которого меня либо пытаются убить, либо мне грозит еще какая-нибудь опасность, не возникло. Так что с утра я проверила парные кинжалы, которые по-прежнему прятала в голенищах сапог, предупредила на всякий случай Люция, чтобы был сегодня особенно бдителен, и неохотно отправилась на боевую ма-

гию, которую у нас продолжал вести Вортон. К слову, о происшествии с Олафом ему наверняка уже было известно, но жаловаться на Леннокса к нему никто не пошел, поскольку сочувствие боевика здесь казалось маловероятным. Это подтвердилось и на занятии. Общая подавленность студентов, которым затем предстояло идти на некромантию, бросилась декану в глаза, и он даже поинтересовался, что случилось. Выслушав ответ, он только недовольно заметил, что нам на втором году обучения уже пора бы уметь за себя постоять, и уж от одного зомби мы должны уметь отбиться, а в заключение добавил, что, если кто-нибудь из нас вздумает позорить боевой факультет подобным образом, его еще и на дополнительные отработки отправят.

В общем, к Ленноксу мы пришли в отвратительном настроении, а я еще и нервно дергалась от каждого слишком громкого звука или резкого движения. Моя взвинченность, конечно, не укрылась от Люция, но сейчас нечего было и думать о том, чтобы рассказать ему, что случилось, пока вокруг было столько народу. Одногруппники же не обращали на меня внимания, поскольку сами находились в схожем состоянии. Вот только ни у кого из них не было уверенности, что на этом занятии попытаются убить именно его…

Некромант сегодня пришел вовремя, причем не один: за хромающим и тяжело опирающимся на посох Ленноксом в аудиторию вошел магистр Лэшел. Тот кивком поприветствовал нас и остановился в дверях, а пожилой магистр сообщил:

– В прошлый раз мы говорили о зомби и ближайший год будем заниматься по большей части ими. Но каким еще магическим разделом занимается только некромантия?

– Призраками, – ни на секунду не задумавшись, ответил со своего места Сид.

– Верно. И прежде чем начать углубленно изучать зомби, я предпочел бы, чтобы вы получили какое-то представление и о призраках. Ведь вы ими еще не занимались?

Мы отрицательно покачали головами, и Леннокс кивнул.

– Я так и думал. Но привидения являются не менее важной составляющей некромантии, хотя и может показаться, что это не так – мол, на что они способны, если бесплотны? И поскольку лучше сразу разбирать все на практике, сегодняшнее занятие пройдет в, если можно так выразиться, естественной среде обитания призраков. Ректор Кириан подписал разрешение, чтобы ваша группа на эти два часа покинула академию, но настоял, чтобы магистр Лэшел, как ваш куратор, сопровождал нас. Теперь поднимайтесь, и пошли.

Что удивительно – на последних словах Леннокс явственно скривился, словно решение Кириана пришлось ему крайне не по вкусу, а Лэшел, который заметил эту недовольную гримасу, снисходительно улыбнулся и развел руками – что ж, с властью не поспоришь! – но некромант уже отвернулся и этого не увидел. Недоуменно переглядываясь, мы начали подниматься из-за столов. Подобного в нашем обучении еще не было, и «выездных» занятий никто из преподавате-

лей не устраивал, предпочитая обходиться ресурсами академии. Вот только что Леннокс имел в виду под «естественной средой обитания»? Лично мне приходит на ум только…

– Магистр, мы что, пойдем на кладбище? – сквозь шум отодвигаемых стульев, убираемых в сумки учебников, шелест балахонов и глухой стук посоха о каменный пол прорвался голос Сида, и все замерли, молча воззрившись на некроманта, но тот и бровью не повел.

– Вы невероятно проницательны, студент, – лишь иронично сообщил он.

– Но разве это законно? – растерянно спросил Жан, переглянувшись с Олафом, который сегодня держался тише воды ниже травы и в аудитории постарался сесть как можно дальше от преподавательского стола.

– Поднимать зомби из могил добропорядочных граждан без разрешения властей и родственников усопших – вот это незаконно, – пафосно изрек Леннокс как-то так, что сразу стало понятно: лично ему такие мелочи кажутся просто досадной помехой, недостойной внимания. – А призраков на кладбищах предостаточно и без участия некромантов. Даже специально вызывать никого не придется.

После этого нам не оставалось ничего другого, кроме как последовать за магистрами из аудитории в коридор. Там я на секунду остановилась, пропуская вперед остальных и дожидаясь Люция, чтобы тот поравнялся со мной. Лэшел, покинувший аудиторию последним, взглянул на меня, как на пу-

стое место, и прошел мимо, стремясь нагнать некроманта, – посох того равномерно стучал по каменным плитам уже где-то в середине коридора.

– У нас занятие на свежем воздухе, – мрачно сказала я, не пытаясь убрать из голоса сарказм, за которым скрывалась тревога. – На кладбище.

– Вы ожидаете нападения именно там? – невозмутимо осведомился высший вампир, и я вновь восхитилась его выдержкой. Он даже не спросил, откуда я вообще взяла, что меня попытаются убить, а просто принял мои слова на веру!

– Возможно.

Люций только кивнул, но мне все равно стало спокойнее – он все понял правильно и теперь будет держаться поближе ко мне. Остальных мы догнали уже в вестибюле и на улицу вышли организованной толпой. Одногруппники взволнованно переговаривались, причем в беседе принимал участие и Лэшел. Леннокс, несмотря на хромоту, довольно бодро шагал через двор, и замыкали шествие мы с Люцием. У калитки, когда мы уже почти успели выйти за пределы академии, нас внезапно окликнул растрепанный студент-привратник, который, на ходу поправляя синий балахон, торопливо вывалился из сторожки, где однозначно вкушал сладкий утренний сон. Узнав Лэшела и нового декана некромантов, он заметно приуныл, но Леннокс вообще не заинтересовался этим нарушителем дисциплины, а магистр боевой магии только строго сделал ему замечание и предъявил какую-то

бумагу. Студент ее забрал и вернулся в сторожку – досыпать, а мы вышли на городскую улицу.

Как всегда это бывает, очутившись вне звукоизолирующего купола, мы сразу оказались оглушены городским шумом – день был в разгаре, и в Адэре кипела жизнь. Лично я не представляла, где в городе располагалось кладбище, но Лэшел и Леннокс вполне уверенно повели нас по улице, а сами углубились в разговор. День выдался прохладный, ветреный, облачный, но внезапная возможность прогуляться по городу удивительно улучшила всеобщее настроение, так что одногруппники перестали переживать из-за перспективы общаться с призраками, а я отвлеклась от мыслей о возможных убийцах. Народу на улицах было много, но тут сделали свое дело наши разноцветные балахоны: прохожие вокруг старательно обходили нас стороной, не желая связываться с магами.

Миновав кварталы торговцев и ремесленников, мы прошли по очередной улице, уже не такой шумной и многолюдной, мимо небольшого храма и вскоре вышли к городскому кладбищу, лежавшему у южной стены. Здесь уже люди почти не встречались – похоронных процессий не было видно, и нам встретились только несколько посетителей – а сам погост оказался очень обширным и старым. Леннокс неожиданно достал из складок балахона какой-то лист бумаги, развернул его, и я успела заметить там что-то похожее на набросанную от руки схему кладбища. Поизучав эту «карту» неко-

торое время, Леннокс уверенно повел нас куда-то вглубь. Вокруг не было ничего интересного – могилы и могилы, местами они шли рядами, местами были разбросаны, одни поновее, другие – совсем старые… Мы успели дойти почти до противоположного угла кладбища, когда Леннокс, покрутив недоуменно головой по сторонам, посмотрел на план более внимательно и потом вдруг перевернул схему вверх ногами. После этого его лицо просветлело, и он, жизнерадостно улыбнувшись, показал рукой в противоположном направлении. Одногруппники испепелили его недовольными взглядами, Лэшел пробомотал себе под нос что-то нелестное в его адрес, зато Люций, как мне показалось, едва удержался от улыбки.

В общем, еще минут через десять мы добрались до нужного места. Под ногами тихо шуршали успевшие опасть листья и какие-то веточки. Могилы здесь были уже совсем неухоженные и неаккуратные, могильных камней с именами почти не осталось, хотя заброшенной эта часть кладбища не выглядела – земля местами была свежей, разрыхленной.

– Пришли, – объявил Леннокс, останавливаясь. – Здесь хоронят преимущественно преступников и бродяг, и потому городские власти позволили нам тут поработать. К тому же именно среди казненных чаще всего остается множество неупокоенных, и потому призраков будет больше всего в этой части кладбища. Итак, почему мы не видим этих призраков прямо сейчас?

– Обычно они невидимы или же просто спят, – это, как всегда, Сид.

– Верно. Чтобы поговорить с духом, его надо в первую очередь вызвать. Каков будет ваш порядок действий? Студентка?

– Установить защитное поле, – не задумываясь, ответила я.

– Правильно. Почему?

В голове, словно вспышка молнии, промелькнуло воспоминание – мы с Адрианом на кладбище, где похоронен архимаг Приам. Мы были вместе, и Адриан тогда запретил мне выходить из защитного круга – чего бы я сейчас не отдала, чтобы вернуть все как было!

– Призраки стремятся вселиться в живых людей, – наконец сухо сообщила я.

Леннокс удовлетворенно кивнул.

– Верно. Вампиры с их предрасположенностью к магии смерти могут обойтись без защитного поля, используя свою – специфическую, но нам такой фокус недоступен. Поэтому…

Он продолжал говорить, пока я растерянно хлопала глазами. Так тогда на кладбище круг Адриану вовсе не был нужен, только мне?

– Поскольку нас много, защитное поле потребуется с большим радиусом, а на подобное нужно очень много магических сил, ведь это поле мало того что надо создать, его еще

надо и удерживать. Но наша академия в лице ректора Кириана пошла нам навстречу и обеспечила специальными амулетами-накопителями сил. – Все из тех же складок балахона, из которых он достал карту, на этот раз Леннокс извлек небольшой кожаный мешочек, открыл его и продемонстрировал нам какие-то кристаллы. После этого он вышел вперед и начал создавать вокруг нас структуру магического щита, не доверив это ответственное задание никому из студентов – схема была сложной, но не настолько, как в тот раз, когда щит сплетал Адриан. Попутно магистр давал пояснения к своей работе, указывая на какие-то тонкости. Когда работа была закончена, некромант разложил кристаллы вокруг нас на равном удалении друг от друга, и их грани вспыхнули ровным голубоватым цветом. Мы словно ощутили порыв магической силы, и созданный Ленноксом щит развернулся вокруг нас. М-да, а Адриану, помнится, никакие артефакты-накопители силы не были нужны – все-таки архивампир, а не магистр… Строго напомнив нам, что покидать пределы круга нельзя, Леннокс начал произносить заклинание призыва духов. Некоторое время после того, как он замолк, вокруг было тихо – только шумели деревья, с которых ветер срывал листву – а потом вдруг в воздухе начали зависать белые полупрозрачные силуэты. Один, другой, третий…

– Сколько же их здесь… – растерянно пробормотал Олаф, впервые за все занятие раскрывая рот, а Леннокс равнодушно пожал плечами.

– Я же сказал, что большинство похороненных здесь умерли не своей смертью… Конечно, не все из них могут упокоиться с миром!

Разбуженные призраки тем временем сориентировались в пространстве и поплыли в нашем направлении. Мы – студенты – инстинктивно попытались встать поближе друг к другу, Лэшел тоже казался взволнованным, зато Леннокс оставался совершенно невозмутимым. Когда я шагнула вбок, чтобы оказаться подальше от границы, под моей ногой громко хрустнула какая-то ветка, и я, механически опустив голову, увидела, как один из кристаллов начал мигать, то затухая, то загораясь снова. Духи остановились у границы защитного поля, обступили его со всех сторон, так что кладбище за ними было не разглядеть – слишком уж многих призраков мы потревожили. Не меньше десятка, и это только те, кто подошел к нам вплотную… И в отличие от архимага Приама, который оставался в своем уме и говорил с Адрианом и мной, с этими… явно было что-то не так. Глаза у всех оставались открытыми, но в них невозможно было разглядеть никакого осмысленного выражения. Вдобавок ко всему призраки что-то безостановочно бормотали себе под нос, из-за чего казалось, будто воздух звенит.

– Итак, – лекторским тоном продолжил Леннокс, словно стоял за кафедрой в лекционной аудитории. – В общем-то, призраки и по своему желанию могут переходить из невидимого состояния в видимое, однако…

Он не договорил, переведя взгляд куда-то вниз, и в ту же секунду спокойное и даже несколько скучающее выражение на его лице сменилось чем-то похожим на тревогу. Проследив за его взглядом, я обнаружила, что тот самый мигающий кристалл окончательно погас, и в ту же секунду произошло следующее: бормотание призраков понизилось до шипения и зазвучало теперь угрожающе, в воздухе пронесся очередной магический порыв, защитное поле пропало, магистр Лэшел отчетливо выругался… а затем призраки всем скопом набросились на нас.

Если честно, я совершенно не представляла себе, что чувствует человек, когда его атакует призрак. Воображение подбрасывало варианты, что по ощущениям это сравнимо с окунанием в ледяную воду или, может, потере контроля над телом, в которое этот призрак вселяется… Но действительность оказалась ничуть не похожа ни на один из этих вариантов. У нас не было никакой возможности сопротивляться, настолько быстро все происходило, а потом… Единственное, что я помню, – это разрывающая меня на части боль. Мир как будто взорвался, ослепительные осколки рванулись в мою сторону, так что я инстинктивно закрыла руками глаза, опасаясь, как бы их не выкололо… А после этого осталась только чернота.

* * *

Что удивительно – в себя я пришла мгновенно. Не было ни постепенного возвращения чувств, ни долгих, сменяющих друг друга видений – я просто открыла глаза и обнаружила себя лежащей на узкой койке в каком-то помещении. Боль ушла, но сохранялось ощущение, точно накануне я таскала мешки с углем: тело казалось очень тяжелым и неподъемным, словно чужим. Ну ладно, я хотя бы жива, и на том спасибо. Изучив потолок над собой, я повертела головой, заметила через несколько коек от меня пару фигур в светло-серых балахонах целителей, склонившихся над еще одной такой же койкой… Потом вспомнила, что я здесь уже была в прошлом году, когда Кейн чуть не умер от проклятия отсроченного действия… Значит, это лазарет в академии.

Заметив, что я открыла глаза и зашевелилась, в мою сторону устремилась незнакомая целительница средних лет.

– Хвала Эйр, еще одна очнулась! Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо. – Я еще раз прислушалась к себе и удовлетворенно кивнула. – Давно я здесь?

– Несколько часов. – Целительница деловито проверила мой пульс, затем посветила мне по очереди в каждый глаз магическим светильником. – Но наши плетения хорошо работают, и опасность миновала, жить будешь. Если хочешь, можешь полежать у нас до следующего утра, или возвращай-

ся в общежитие.

Она уже хотела было отойти, но я успела поймать ее за руку, хотя для этого мне пришлось приложить уйму сил.

– А что с остальными? Нас на кладбище было восемь человек, и…

– Двое еще здесь, – она кивнула куда-то в сторону и, проследив за ее взглядом, я неожиданно узнала на соседних койках Олафа и Жана. Они лежали не шевелясь и, казалось, оба были без сознания. – Этот молодой человек вообще во второй раз за последнюю неделю попадает к нам… Был еще вампир, но он быстро восстановился и сейчас сидит в коридоре. Еще одного студента со шрамом на щеке мы уже отпустили… И еще один юноша умер. Не выдержало сердце.

Я дернулась так сильно, что едва не упала с кровати, и на немолодом лице целительницы появилось сочувственное выражение.

– Может, вам все же полежать здесь до завтра? – более мягким тоном предложила она. – Все-таки вы такой шок пережили… И куда только ректор смотрел, когда позволил вам всем отправиться на кладбище?..

– Нет, – пробормотала я, все еще не веря в случившееся. – Нет, я лучше пойду…

Она с сомнением посмотрела на меня, но не стала настаивать.

– Как хотите. Только выпейте тогда восстанавливающий отвар, чтобы не свалиться на полпути.

Она куда-то отошла, а я откинулась на подушку, подложив под голову руку и равнодушно нащупав спутанный колтун, в который превратились мои волосы. Студент со шрамом, которого отпустили – это Марк… Значит, умер Сид? Сид, который лучше всех нас разбирался в некромантии и так хорошо работал с небольшими магическими потоками? Как такое возможно? Почему он умер? Ведь призраки захватывают тело, не убивают его… Или нет?

В голове было удивительно пусто, хотя краем сознания я понимала, что по-хорошему стоит сейчас поскорее все обдумать и предпринять какие-то действия. Но какие? Погиб человек! И не кто-то абстрактный, а тот, с кем я была знакома! В голове не укладывается – утром все было прекрасно, и даже занятие по демоновой некромантии начиналось нормально, а потом кто-то как будто взял и перечеркнул всю спокойную учебную жизнь!

Вернувшаяся целительница протянула мне кружку с отваром и, пока я пила, принесла мои вещи – запыленные, но целые. После отвара мне заметно полегчало, так что подняться с койки и одеться я смогла своими силами, и целительница проводила меня затем до дверей, велев сразу возвращаться, если почувствую себя нехорошо. Закрыв за собой дверь, я первым делом увидела в коридоре Люция, который до моего появления сидел на подоконнике, а сейчас вскочил на ноги, и по его резким чертам лица, которые сейчас удивительно смягчились, мне сразу стало понятно, что он за меня беспо-

коился. Эта мысль теплой каплей скользнула мне в сердце, растапливая ледяную корку, покрывшую его при известии о смерти Сида.

– Как вы?

– Нормально. А ты? – Люций был заметно бледнее обычного, но в остальном казался вполне здоровым, и я облегченно перевела дух. Если бы что-то случилось еще и с Люцием, я бы себе этого никогда не простила.

– Мне досталось меньше, чем вам. На вампиров призраки набрасываются реже, – хмуро сообщил он и огляделся, чтобы удостовериться, что в коридоре мы одни. – Вы готовы обсудить случившееся? Или вам нужно время, чтобы прийти в себя?

– Готова. Только все равно пошли в общежитие, поскольку здесь велика вероятность, что нас кто-нибудь подслушает.

Судя по сгущавшимся за окном осенним сумеркам, сейчас уже был вечер и, следовательно, вся академия находилась в столовой на ужине – значит, меньше шансов, что мы привлечем к себе внимание. Ведь наверняка смерть студента и тяжелое состояние еще четырех не остались незамеченными и, скорее всего, вся академия сейчас гудит, как растревоженный пчелиный улей…

Расчет оказался верен: по дороге в общежитие нам почти никто не встретился, а войдя в комнату, я убедилась, что и Бьянка была на ужине. Заперев за собой дверь и активировав полог тишины, я швырнула такую же пыльную, как и моя

одежда, сумку с учебниками на кровать, не заботясь о чистоте покрывала, и повернулась к Люцию. Среди скромной обстановки комнаты он смотрелся как-то неуместно и непривычно.

– Что произошло там, на кладбище?

– Один из магических кристаллов вышел из строя. Защитное поле пропало, и призраки набросились на вас. Вам, студентам, досталось больше всего. Ваш куратор использовал какие-то чары, чтобы отбиться от нескольких особенно злых, а некромант довольно уверенно избавился от остальных. А потом мы доставили вас сюда. Один студент по пути умер.

Я нервно дернулась, снова подумав о Сиде, а Люций внезапно произнес:

– Вы ожидали, что вас попытаются убить, и были готовы к нападению, причем именно сегодня. Это что, совпадение?

– Ты думаешь, это был не просто несчастный случай, а подстроено заранее? – угрюмо уточнила я, не желая даже в мыслях признавать подобное. Одно дело – попытаться убить только меня, а другое – пожертвовать ради этого еще несколькими людьми…

– Вы сейчас не в том положении, чтобы списывать происходящее на несчастные случаи, – неожиданно резко отозвался Люций, и я удивленно покосилась на светловолосого вампира. Это был первый раз, не считая наших тренировок, когда тот позволил себе сократить дистанцию и напомнить мне о моем нынешнем положении. – И раз вы предполагали,

что произойдет нечто подобное, у вас наверняка есть подозрения, кто мог это организовать.

Я еще раз перебрала в памяти все, что сегодня случилось. Призраки. Кладбище. Некромантия. Вспомнила свои догадки, которыми делилась с Оттилией и Бьянкой. И наконец, того, кто решил отойти от привычного порядка проведения занятий и привнести в жизнь студентов побольше… практики.

Интересно, если мы сейчас убьем декана факультета некромантии, Кириан меня сразу из академии исключит?

– Пойдем поговорим с Ленноксом, – напоследок приняла решение я и шагнула к двери. – Думаю, он должен ответить на кое-какие вопросы.

Глава 8

Чтобы не попасться никому на глаза, мы отправились на факультет некромантии не через главный корпус, а еще более сложным путем: сначала спустились на первый этаж общежития и вышли на улицу, чтобы через двор добраться до нужного «луча» оригинальной звезды, которую представляло собой здание академии. На улице было темно и сыро, накрапывал мелкий холодный дождик, а промозглый ветер проникал сквозь одежду, так что я попыталась поплотнее закутаться в балахон. Но едва я это сделала, как ветер сорвал с головы оставшийся без присмотра капюшон, и уши обдало противной ледяной изморосью. Покорившись судьбе, я вздохнула и ускорила шаг, чтобы поскорее добраться до теплого помещения.

До факультета некромантии мы почти бежали, а внутри сразу поднялись на второй этаж, где находился кабинет декана. Сам коридор был пуст. Едва заканчивался учебный день, как студенты сразу же испарялись из аудиторий, да и немногие преподаватели предпочитали жертвовать ужином ради занятий наукой. Существовала вероятность, что и Леннокс находился сейчас в столовой, или его вызвали на ковер к декану, но я твердо вознамерилась дождаться его. Люций прав – я сейчас не в том положении, чтобы медлить. Но нам повезло. В ответ на мой решительный стук раздалось приглу-

шенное: «Входите!» – и я толкнула старую, с щербинами, деревянную дверь.

Леннокс сидел за столом, его посох был прислонен к стене рядом. Перед нашим появлением маг был занят тем, что составлял какой-то документ. Перед ним лежал наполовину исписанный лист бумаги, а в чернильнице было перо. Казалось, наш с Люцием приход его нисколько не удивил, и на морщинистом лице не дрогнул ни один мускул, когда в кабинет вошла сначала я и сразу за мной показался высший вампир, который вдобавок ко всему пришел вооруженным. А вот это уже было хуже, поскольку, если он успел морально подготовиться к такому повороту событий, узнать его истинные мотивы будет сложно.

– Очнулись? Хорошо. – Он взял перо и вернулся к недописанному письму. – В отчете можно указать, что почти все студенты через несколько часов уже пришли в себя. Вот только мальчика того жалко. Хороший мог бы получиться некромант. – Дописав несколько строчек, он поднял глаза и взглянул на меня – совершенно спокойно. Затем вдруг усмехнулся. – Я не причастен к случившемуся, студентка. Мне нет никакого резона совершать покушение на королеву Вереантера, хотя ректор и ваш декан, кажется, подозревают обратное. Вы ведь именно за этим пришли?

Буквально секунду я думала, как вести себя дальше. Почему-то я ожидала, что Леннокс начнет юлить или вовсе утверждать, что все случившееся было лишь случайностью, но он

предпочел поступить по-другому. Что ж, тогда и я не буду делать вид, будто не понимаю, что произошло, и выберу иную линию поведения.

– За этим, – подтвердила я и, не дожидаясь приглашения, села на стул перед столом некроманта. Люций встал позади меня. – Но вы же не ждете, что я поверю вам на слово?

– В этом случае вы были бы просто идиоткой, – равнодушно отозвался он, а затем окинул меня оценивающим взглядом. – Если бы я хотел от вас избавиться, я не стал бы разгонять призраков так быстро, а подождал бы еще несколько минут, делая вид, будто не могу сплести контрзаклинание. Они бы вас доконали, и моя задача оказалась бы выполнена. Спросите вашего телохранителя – он находился в сознании всю схватку.

Я перевела вопросительный взгляд на Люция. Тот смотрел на некроманта с заметным скепсисом, но на последних словах вдруг нахмурился, а затем после небольшой паузы медленно кивнул, признавая правоту Леннокса, и нехотя сказал:

– Я об этом сразу не подумал.

– Бывает, – Леннокс снисходительно улыбнулся. – К слову, попытка убийства обставлена весьма топорно – ее сложно принять за несчастный случай, но метод оказался эффективным. Будь там кто-нибудь другой вместо меня, хотя бы тот аспирант, который в прошлом году вел у вас занятия, и жертв могло стать больше.

Сказано это было безо всякого бахвальства, как обычная констатация факта, и я не стала иронично вздергивать брови, а вместо этого задала вопрос, который тревожил меня не меньше всего остального:

– Почему Сид умер? Разве он не должен был сделаться одержимым?

– Если призрак один – да, так и должно было случиться. Но их там было много, и если на одного человека нападают сразу несколько, то это сопровождается очень сильной болью. Сердце может не выдержать. На вас, студентка, накинулись всего двое, и вам повезло. Вы этого не знали?

– Как вы вообще могли провести это занятие? – резко осведомилась я, проигнорировав его последний вопрос, поскольку ответ на него и так был очевиден. – Если это сопряжено с таким риском!..

– Подобные выезды на кладбище регулярно проходят у студентов-некромантов, – хладнокровно отозвался Леннокс, не дослушав меня. Вообще некромант выглядел точно так же, как и в наши предыдущие встречи, и, казалось, даже смерть Сида не заставила его хоть сколько-нибудь утратить душевное спокойствие, как и ее возможные последствия. Интересно, почему он настолько уверен в себе? У него есть какой-то могущественный покровитель, или же этому человеку просто наплевать абсолютно на все на свете? – Определенный риск, конечно, есть, но не больше, чем, скажем, угроза получения травм на вашем боевом факультете. Се-

годняшнее происшествие – нонсенс. Кстати, формально все случившееся – несчастный случай.

Я немного подумала, прикинула, почему Кириан решил придерживаться именно этой линии, поняла, что ему просто не нужна лишняя паника, и спросила:

– Вас уволили?

– Ну-у-у… – протянул Леннокс, прикидывая что-то в уме. – Для проформы должны бы были, и темный Совет магов теперь требует от меня подробных разъяснений, что же произошло… Но, учитывая, что именно меня внезапно попросили занять эту должность, у темных магов все настолько плохо с некромантами, что вряд ли я отсюда куда-нибудь денусь. По крайней мере, до следующего происшествия точно. Но выездные занятия мне запретили проводить.

«Слабое утешение для студентов», – подумала я.

– Ну, допустим, – внезапно сказал Люций. На некроманта он смотрел по-прежнему хмуро, но подозрительности в его голосе слегка поубавилось. – Тогда можете сказать, что вы думаете о случившемся? Почему ситуация на кладбище вообще вышла из-под контроля?

Леннокс подтянул поближе к себе посох и поднялся на ноги, тяжело опираясь на него. Затем обогнул стол, подошел вплотную к нам и воссоздал в воздухе незнакомую мне структуру магического плетения.

– Так устроен артефакт, накапливающий энергию. Именно такие я взял на кладбище. Один из них оказался повре-

жден, и потому защитное поле распалось. Структура нарушилась здесь, – он ткнул узловатым длинным пальцем в одно из сплетений магических нитей. – Сама по себе она разрушиться не могла – место устойчивое, и самостоятельно эта связка не истощилась бы. Значит, это сделал кто-то другой – причем это мог быть любой, потому что эти артефакты просто лежат в хранилище внизу, и достать их не так сложно. О том, что мы отправимся на кладбище, знали ректор, его заместитель Вортон и те, кому они об этом рассказали – то есть, по сути, кто угодно.

Я вздохнула, сообразив, что Леннокс прав, и, следовательно, таинственного недоброжелателя мы можем искать очень долго. Получается, здесь даже сложно доказать, что это было подстроено – мало ли что случилось с артефактом, может, и впрямь он так долго лежал в кладовке, что магия развеялась!.. Понял это и Люций, поскольку он вдруг заметно помрачнел. Рассудив, что нам здесь больше делать нечего, я шагнула было к двери с намерением уйти, но тут Леннокс внезапно спросил:

– Студентка, вам известно, что нужно делать в ситуациях, подобных сегодняшней? Как не позволить призракам причинять вам вред?

– Нет.

– Можно иметь при себе специальный охранный амулет вроде того, что был у вашего куратора. Благодаря ему магистр Лэшел почти не пострадал, – на этих словах Леннокс

вдруг мрачно усмехнулся своим мыслям, но объяснять ничего не стал. – А еще есть особый раздел магии. Если вам интересно, я мог бы научить вас. Данная магия весьма специфическая, но, учитывая, какие плетения вам уже известны, вряд ли она вызовет у вас трудности. – Должно быть, он намекал на плетение подчинения, которое я использовала на зомби.

– Вы предлагаете мне дополнительные занятия? – удивилась я. – Почему?

– Вы кажетесь мне перспективной ученицей, – пожал плечами Леннокс. – Способной смотреть на вещи более широко, чем большинство магов.

Несколько секунд я молчала, а потом покосилась в сторону Люция. Тот выглядел невозмутимым, и я подумала, что если бы он увидел здесь что-то подозрительное, он бы об этом сообщил.

– Хорошо, – согласилась я, вспомнив ощущения, когда на меня набросились призраки, и против воли поежилась. – Когда начнем?

– Приходите завтра вечером, – распорядился Леннокс и похромал обратно к столу. – Постарайтесь пораньше закончить ужин и приходите.

Проследив за ним взглядом, я снова увидела отчет, который некромант составлял до нашего прихода. Какая-то смутная мысль вдруг зашевелилась где-то в сознании, но прежде чем я успела ее поймать, Леннокс скатал лист в трубку. Для

этого высокому магистру пришлось наклониться над столом, и я увидела, как из-за ворота рубахи свесился кулон – авантюрин на простом шнурке. Амулет? Заинтересовавшись, я взглянула магическим зрением, но в итоге разочарованно вздохнула: никакого магического фона у камня не было. Похоже, это и впрямь обычная подвеска. Я направилась к двери.

Коридор пустовал, и даже магические светильники горели приглушенным светом – значит, отбой уже был. Теперь нам желательно незаметно вернуться в свои комнаты, чтобы никто из преподавателей не узнал, что мы бродим по академии в неположенное время…

– Что ты об этом думаешь? – спросила я, когда мы отошли на порядочное расстояние от кабинета. – Можно ему верить?

Люций в один шаг догнал меня.

– По поводу того, что он мог позволить духам убить вас, но не сделал этого – можно. Но все равно что-то здесь не так… Не стоит верить ему беспрекословно.

– Почему?

– Этот некромант ведет какую-то игру. – Люций на секунду обернулся, словно проверяя, не идет ли Леннокс следом за нами. – Вы не заметили? Его манера поведения не вяжется с магом, который последние сто лет прожил отшельником в какой-то глуши. Говорит слишком правильно, к тому же, я бы даже сказал, вызывающе циничен. Да, и еще! Его хромота!

– А что с ней не так? – О странном образе мышления Леннокса я задумывалась уже и сама, но на его хромоту не обращала внимания. Ну, ходит человек с палкой, и что с того?

– А то, что он хромает то на одну ногу, то на другую. Зачем? Не верю, что они болят у него по очереди.

– И еще он почему-то хочет мне помочь, – задумчиво добавила я. – Зачем ему меня учить? Вряд ли он собирается убить меня посреди индивидуального занятия, ведь рядом со мной будешь ты.

В молчании мы вышли из коридора в вестибюль и начали спускаться по лестнице. Я думала о странном предложении некроманта, но не видела причин, которые помешали бы мне принять его. Может, и впрямь удастся научиться чему-нибудь новому? Сейчас я, как никогда, должна уметь защищать себя… И какая разница, что у преподавателя за тараканы в голове, если это никак не повредит лично мне?

– Леннокс – это вопрос отдельный, а вас сегодня убить все же кто-то попытался, – вторгся в мои мысли голос Люция, и я потрясла головой, чтобы сосредоточиться на его словах. Демон, а ведь действительно – самое главное-то мы так и не узнали. – Я буду должен сообщить об этом в Бэллимор.

От неожиданности я оступилась и едва не скатилась кубарем по лестнице, но вампир в последний момент успел схватить меня за локоть и поддержать. Хотя чему я удивилась? Покушение на королеву, после которого та оказалась в лазарете – это не ерунда, о таком стоит проинформировать, даже

если эта королева находится в опале! Но подумать-то я об этом подумала, а вслух произнесла нечто совершенно противоположное:

– Нет. – Люций посмотрел вопросительно, а я прокашлялась и повторила более уверенно: – Не надо. Не сообщай.

– Ваше величество, – официально обратился Люций ко мне, и я закатила глаза, сразу поняв, на что он напирал. – Ваша жизнь оказалась под угрозой, более того – вы чуть не погибли, и его величество имеет право…

– У его величества сейчас и без меня хватает проблем, – огрызнулась я, буквально чувствуя, как с меня сползает маска спокойствия, словно ее смывал усилившийся за окном дождь. В горле застыл ком, и я с ужасом почувствовала, что могу разрыдаться прямо посреди коридора. Стресс после сегодняшнего происшествия, что ли, сказывался?.. – С тем, что творится в академии, я и сама справлюсь…

Ну почему, почему он мне не поверил? Почему отослал в академию и до сих пор не захотел со мной поговорить?! Почему я снова попадаю в ситуацию, когда вынуждена что-то скрывать от него и лукавить? Опять осталась одна и снова должна справляться со своими проблемами в одиночку! Я не могу, просто не могу сейчас, пока мы в ссоре, перекладывать это покушение на плечи Адриана! Ведь что он может сделать? Вернуть меня в Бэллимор? Там я точно с ума сойду, если он будет продолжать злиться и вести себя так, как будто мы чужие! Да и как отреагирует он на эти новости? Встрево-

жится? Или останется равнодушным?.. Может ли случиться такое, что после того ужасного разговора он больше вообще никогда не захочет увидеть меня?!

Осознав, что мыслями я ушла уже куда-то в совсем далекую область, я повторила последнюю фразу. И хотя голос прозвучал почти нормально, Люций все равно понял меня правильно, потому что внезапно сказал добрым тоном:

– Все наладится. Вот увидите.

– С чего ты взял? – уныло спросила я, даже не заметив, что Люций впервые за все время целиком убрал из голоса официальную невозмутимость и заговорил человеческим тоном, сокращая дистанцию между нами. Не в физическом, а в переносном смысле – обычно он оставался ровно-нейтральным и советов личного характера не давал. – Ты же даже не знаешь, из-за чего мы поссорились. И Адриан имеет право на меня злиться.

– Он вас любит, – пожал плечами высший вампир, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся, а затем пристально взглянул на меня. – Он не убил меня только благодаря вашему вмешательству. Окажись на вашем месте любой другой – и ему бы оторвали голову за то, что посмел вмешаться и перечить архивампиру. А вам не только ничего не было, но он даже сделал, как вы хотели. Так что все устроится. Нам свойственно прощать ошибки тех, кто нам дорог.

Последние слова он произнес странным тоном, как будто в мыслях уже был далеко от меня. Я посмотрела – Лю-

ций продолжал идти, уйдя в свои мысли, его лоб пересекла длинная вертикальная складка, и казалось, что он обдумывал какую-то тяжелую для себя мысль. Несколько секунд я размышляла о причине его меланхолии, а потом меня вдруг осенило.

– Когда ты вернулся в Вереантер, ты виделся с Нарциссой? – На имени сестры Люций дернулся, и я поняла, что подумала правильно.

– Нет, – неохотно ответил он.

– А почему? – не отставала я, поскольку высший вампир замолк и продолжать беседу явно не собирался. – Только не говори, что у тебя не было времени, я все равно не поверю.

– Как вы себе это представляете? – раздраженно осведомился он, испытывая недовольство от того, что вообще начал этот разговор. Я удивленно покосилась на него. Добиться от Люция проявления сильных чувств было практически невозможно. – Мы не виделись более семидесяти лет, а последняя наша встреча была на похоронах нашего брата. Затем меня приговорили к смерти за государственную измену, и я бежал, а сестру лишили средств к существованию, и она осталась совершенно одна, причем по моей вине. А сейчас, выходит, я должен был объявиться на ее пороге с заявлением, что я по ней скучал?! С Нарциссой этот фокус не пройдет!

– Но ты даже не попытался! – возмутилась я, позабыв о собственных сердечных ранах. – Она ведь твой единствен-

ный близкий родственник! Нельзя же теперь до конца жизни просто делать вид, будто ее не существует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.